

А.С. Хомяков

А.С. Хомяков. О старом и новом. Статьи и очерки / Под общей ред. Г.М. Фридендера. М.: Современник, 1988.

О старом и новом.

(1)

Много ошибок помрачают славу преобразователя России, но ему остается честь пробуждения ее к силе и к сознанию силы. Средства, им употребленные, были грубые и вещественные; но не забудем, что силы духовные принадлежат народу и церкви, а не правительству; правительству же предоставлено только пробуждать или убивать их деятельность каким-то насилием, более или менее суровым. Но грустно подумать, что тот, кто так живо и сильно понял смысл государства, кто поработил вполне ему свою личность, так же как и личность всех подданных, не вспомнил в то же время, что там только сила, где любовь, а любовь только там, где личная свобода (с.54).

(2)

При всем том перед Западом мы имеем выгоды неисчислимы. ... Теперь, когда эпоха создания государственного кончилась, когда связались колоссальные массы в одно целое, несокрушимое для внешней вражды, настало для нас время понимать, что человек достигает своей нравственной цели только в обществе, где силы каждого принадлежат всем и силы всех каждому. Таким образом, мы будем подвигаться вперед смело и безошибочно, занимая случайные открытия Запада, но придавая им смысл более глубокий или открывая в них те человеческие начала, которые для Запада остались тайными, спрашивая у истории церкви и законов ее — светил путеводительных для будущего нашего развития и воскрешая древние формы жизни русской, потому что они были основаны на святости уз семейных и на неиспорченной индивидуальности нашего племени. Тогда, в просвещенных и стройных размерах, в оригинальной красоте общества, соединяющего патриархальность быта областного с глубоким смыслом государства, представляющего нравственное и христианское лицо, воскреснет древняя Русь, но уже сознающая себя, а не случайная, полная сил живых и органических, а не колеблющаяся вечно между бытием и смертью (с. 55-56).

Англия

(3)

Правильное и успешное движение разумного общества состоит из двух разнородных, но стройных и согласных сил. Одна из них основная, коренная, принадлежащая всему составу, всей прошлой истории общества, есть сила жизни, самобытно развивающаяся из своих начал, из своих органических основ; другая, [разумная] сила личностей, основанная на силе общественной, живая только ее жизнью, есть сила никогда ничего не созидаящая и не стремящаяся что-нибудь созидать, но постоянно присущая труду общего развития, не позволяющая ему перейти в слепоту бездушного инстинкта или вдаваться в безрассудную односторонность. Обе силы необходимы; но вторая, отвлеченная и рассудочная, должна быть связана живою и любящею верою с первою, силою жизни и творчества. Если прервана связь веры и любви, наступают раздор и несогласие. (186)

(4)

Я определил Англию землею, в которой борется торизм с вигами. Ты, может быть, скажешь, что это относится и ко всей Европе. Нет, любезный друг. Ни Франция, ни Германия не идут под это определение. Там нет и не может быть ториев. Там общество, созданное историею, отсело от нее, как *caput mortuum*. Истории уже нет в жизни, организма нет, общества с живыми началами нет. Это скопление личностей, ищущих, не находящихся и не могущих

найти связи органической (194).

(5)

Семья ничтожна как во Франции, так и в Германии. Веры же нет ни в той, ни в другой. Если ты хочешь найти туристические начала вне Англии,— оглянись: ты их найдешь и лучшие, потому что они не запечатлены личностью. Вот величие златоверхого Кремля с его соборами, и на юге пещеры Киева, и на севере Соловецкая святыня, и домашняя святыня семьи и, более всего, вселенское общение никому не подсудного православия. Взгляни еще: вот дух единомыслия, назвавший некогда Кузьму Минина выборным всего Московского государства, и ополчивший Пожарского, и увенчавший дело свое избранием на престол Михаила и всего рода его; вот, наконец, деревенский мир с его единодушною сходкою, с его судом по обычаю, совести и правде [внутренней]. Великие, плодотворные блага! Дай бог, чтоб мы всегда умели ценить их!

Крепок ли английский туризм? Равен ли бой его с вигами? Нет. Туризм, изначала запечатленный излишнею личностью (это заметно в аристократизме), носит в себе постоянно характер вигизма и всеразрушающей личности, логически развивающейся из протестантизма; а протестантизм было неизбежно (с. 194).

(6)

Духовное лицо в Оксфорде спрашивало у меня: «Чем можно остановить гибельные последствия протестантизма?» Я отвечал: «Откиньте римский католицизм!» Туризм английский, неверный самому себе, живет только чувством: за вигизм стоят рассудок и его логическая последовательность. Будущее Англии принадлежит ему. И он подается вперед шаг за шагом, расширяя каждый день круг своего действия, завоевывая общее мнение, особенно в торговых округах и городах, подрывая жизнь и обычаи, развязывая личность и ее мелкую, самодовольную гордость. Он бывает часто во власти, и тогда народ хранит Англию от его разрушающей силы; но он продолжает свое дело, материализуя просвещение, разрывая связи предания, администрируя без меры и удвоив администрацию, централизируя, губя живые начала или придавливая их под тяжестью формализма. Другие земли вызываются историею на великое поприще, другие народы явятся передовыми двигателями всемирного просвещения; если Англия не изменит теперешнего своего хода, а изменить его при теперешних данных она не может,— она послужит им уроком и наставлением. Из ее примера узнают они, как губительно вечное умничанье отдельных личностей, гордых своим мелким просвещением, над общественною жизнью народов, как опасно [вредно уничтожение местной жизни и местных центров, как страшно] заменять исторические и естественные связи связями условными, а совесть и дух — [полицейским] материализмом формы, и убивать живое растение под мертвыми надстройками]. Урок, может быть, не будет потерян (с. 195).

< По поводу Гумбольдта >

(7)

Одностороннее развитие личного ума, отрешающегося от преданий и исторической жизни общества: таков смысл английского вигизма. Таков смысл вигизма в какой бы то ни было стране. Характер его в общих чертах, показанных мною в письме об Англии, везде один и тот же; но за всем тем, направление общества в России (наш домашний вигизм) представляет значительное различие с английским, и эти различия, конечно, не в нашу пользу. Происходя от внутренней неполноты и ложности духовных законов, положенных историею в основании Англии, английский вигизм был естественным и, так сказать, законным развитием одной из ее стихий. Он оставался народным, он был связан с духовною сущностью земли даже тогда, когда отрывался от ее преданий и исторического прошедшего. Английский виг остается вполне англичанином: его быт, его внутренняя жизнь, даже наружный вид — все в нем английское; он еще не осудил себя на совершенное бессилие общественное и духовное. Иное дело вигизм

нашего общества. Порожденный не внутренним законом духовной народной жизни, а только исторической случайностью внешних отношений русской земли и временным деспотизмом местного обычая, — он сначала явился протестом против случайного явления, но по закону, может быть необходимому, он сделался протестом против всей народной жизни, против всей ее сущности: он отлучил от себя все русское начало и сам от него отлучился. Бессильный, как всякая оторванная личность, лишенный всякого внутреннего содержания (ибо он был только отрицанием), лишенный всякой духовной пищи, ибо он оторвался вполне от своей родной земли, — он был принужден, и не мог не быть принужденным, прицепиться к другому историческому и сильному умственному движению, к движению Запада, которого он сделался заложником и рабом (с. 206-207)

(8)

В письме об Англии, говоря о соблюдении в ней воскресной тишины и о соблюдении постов во всех русских деревнях и собственно русских городах, я уже показал разницу между общественной нормою и произволом личности; но, разумеется, это различие еще не совсем ясно для многих. Таков был прием, сделанный читающею публикою мысли, заслуживающей другой оценки. Этой мысли, как единственного разрешения вопросов общественных, ищут и на Западе, но ее найти не могут; ибо она не дана Западу ни его общественным началом, основанным на вражде и завоевании, ни односторонностию и антагонизмом его отживших духовных начал; она не может возникнуть из произвола личного мышления, она должна иметь корни свои в духовном и общественном начале, в веровании для своего существования и в исторической основе общества для своего проявления. Это, наконец, была мысль вполне русская, и оттого-то она встретила такой радушный прием. Пример поучительный, но не единственный. Такой же прием был сделан попытке показать различие между высоким христианским понятием о личности и двумя западными понятиями о личности, как о совокупности всех случайностей, обставляющих человеческую личность, или о личности, как о числительной единице (с. 210).

(9)

Отделенная личность есть совершенное бессилие и внутренний непримиренный разлад. Она до такой степени неспособна быть началом или источником художества, что всякое ее проявление уже расстроивает или искажает художественное произведение, в котором она выступает иначе, как разве покоряющаяся общему закону или страдающая от его нарушения (с. 211).

(10)

Лучшая доля предстоит будущим поколениям: в них уже могут выразиться вполне все духовные силы и начала, лежащие в основе святой православной Руси. Но для того, чтобы это было возможно, надобно, чтобы жизнь каждого была в полном согласии с жизнью всех, чтобы не было раздвоения ни в лицах, ни в обществе. Частное мышление может быть сильно и плодотворно только при сильном развитии мышления общего; мышление общее возможно только тогда, когда высшее знание и люди, выражающие его, связаны со всем остальным организмом общества узами свободной и разумной любви и когда умственные силы каждого отдельного лица оживляются круговращением умственных и нравственных соков в его народе. История призывает Россию стать впереди всемирного просвещения; она дает ей на это право за всесторонность и полноту ее начал, а право, данное историею народу, есть обязанность, налагаемая на каждого из его членов. (с. 221)

А.С. Хомяков. Сочинения в двух томах. Том 1. Работы по историософии. М.: Московский философский фонд. Издательство «Медиум», 1994.

«Семирамида». И<следование> и<стины> и<сторических> и<дей>

(11)

Есть такая поэтическая потребность в нашей душе отрывать прах протекших веков и отыскивать следы прежней жизни в ее личных и общественных проявлениях; но удовольствие, как бы оно не было благородно, не может служить целью науки и не стоит огромных трудов, сопряженных с разысканием глубокой древности. Можно похвалить чувство справедливости и любви, чувство не терпящее, чтобы дела умерших и имена великих двигателей мира пропадали в забвении и оставались чуждыми памяти их потомков; такая любовь (*pietas erga mortuos*³) достойна человека образованного; но излишней важности приписывать ей не должно.

Есть другая, высшая точка зрения, с которой исторические исследования представляются в ином виде. Не дела лиц, не судьбы народов, но общее дело, судьба, жизнь всего человечества составляют истинный предмет истории. Говоря отвлеченно, мы скажем, что мы, мелкая частица рода человеческого, видим развитие своей души, своей внутренней жизни миллионов людей на всем пространстве земного шара. Тут уже имена делаются случайностями, и только духовный смысл общих движений и проявлений получает истинную важность. Говоря практически, мы скажем, что в истории мы ищем самого начала рода человеческого, в надежде найти ясное слово о его первоначальном братстве и общем источнике. Тайная мысль религиозная управляет трудом и ведет его далее и далее (с. 38).

(12)

Но самая способность сочувствовать всем видам человеческого развития, принимать впечатления внешние и сживаться с жизнью иноплеменников лишает земледельца упорного характера личности, неизменно сохраняющей свои первоначальные черты. Борьба их против стихии менее уступчивой и менее гибкой кончается почти всегда уступкою врожденных коренных стихий. (с. 100)

(13)

Из того, что народ земледельческий легко принимает весь образ своих завоевателей и уступает им отличительные черты собственного быта, не должно думать, чтобы дух народный погибал без следа. Этот след темен и неусмотрим в подробностях. Нет фактов отдельных, из которых бы можно воскресить старину; но, действительно, не все исчезло без пользы для мира. Человек, увлеченный силою мысли чужой или энергией чужого направления, не вполне еще теряет свою собственную деятельность. Чужая мысль, им воспринятая и переделанная, получает новые оттенки, зависящие от его личности. Лад мысли собственной сливается с приобретенною; строй души сообщает новому употреблению сил ее особенное направление, в котором примиряются склонности врожденные и страсти привитые. Для человечества проявляется лицо новое, которого деятельность часто приносит богатые и здоровые плоды (с.104).

(14)

Народы земледельческие, как выше сказано, более подвержены завоеванию внешнему, порабощению и перерождению; по тому самому, что в них более общечеловеческого начала, чем резкой личности племен воинственных. Исключения из этого общего правила встречаются во многих случаях и требуют особенных пояснений (с. 108).

(15)

Сорокавековой Китай, исполинское здание политической односторонней страсти, произвел на монгола, манчжура и на всех своих завоевателей то же самое впечатление, которым проникнут путешественник европейский, вступивший в бесконечную глубину гранитных храмов древнего строителя-кушита. Странны линии строения, уродливы украшения, нелепо божество, царствующее во храме; но трепет невольный уничтожает зрителя и дает ему чувствовать всю ничтожность его бедной личности. Таково волшебство творений односторонней силы племени первобытного (с. 108).

(16)

При всех недостатках, полученных в наследство от галла, римлянина и безнравственного франка, сила таких стихий не могла произвести целого ничтожного или незначительного для истории человечества. Франция занимает в ней место почетное и превосходит почти все другие страны мира разнообразием и многосторонностью своих стремлений. По этому самому невозможно ее разложить на составные начала; ибо, как я уже сказал, наслоение человеческих пород не повинуется законам механики, но производит личность новую и, следовательно, новое свободное развитие духовной жизни (с. 110).

Вместо введения [К «Сборнику исторических и статистических сведений о России и о народах, ей единовременных и единоплеменных»]

(17)

Рим, лицо живое и властительное, заключил в себе всю историю Европы и судьбу человечества. Во времена кесарей достиг он крайней степени могущества, и тогда обнаружилась слабость его, естественная принадлежность всякого коллективного лица. Для того, чтобы Рим мог продолжать свое владычество над вселенной, он должен был воплотиться в одно лицо человеческое. Республика уступила империи (с. 486).

А.С. Хомяков. Сочинения в двух томах. Том 2. Работы по богословию. М.: Московский философский фонд. Издательство «Медиум», 1994.

Еще несколько слов православного христианина о западных вероисповеданиях. По поводу разных сочинений латинских и протестантских о предметах веры.

(18)

Вера в человеке, взятом порознь (как индивидууме) и подверженном греху, всегда и непременно субъективна, а по тому самому всегда доступна сомнению: она сознает в самой себе возможность заблуждения. Чтобы возвыситься над сомнением и заблуждением, ей нужно возвыситься над собою, нужно пустить корни в мир объективный, в мир святых реальностей, в такой мир, которого она сама была бы частью, и частью живою, неотъемлемою, ибо несомненно веришь только тому миру или, точнее сказать, знаешь только тот мир, к которому принадлежишь сам**. Этот мир не может заключаться ни в деятельности разобщенных между собою личностей, ни в их случайном согласии (мечта реформатов), ни в рабском отношении к чему-либо внешнему (безумие римлян): он заключается только во внутреннем единении человеческой субъективности с реальною объективностью органического и живого мира, в том святом единстве, закон которого не есть ни абстракт, ни что-либо изобретенное человеком, а Божественная реальность — Сам Бог в откровении взаимной любви: это Церковь (с. 157)

(19)

Но одинокие личности, постоянно подчиненные социальной и религиозной жизни римского исповедания, не представляют уже ни малейшего следа отличительных признаков Церкви, признаков, самими г. Сталем указанных (с. 161).

(20)

Каково бы ни было, однако, значение мнений личных, оно не может равняться по важности с проявлениями мыслей общественных (с. 165).

(21)

В самом деле вера, испытующая тайны Божий, не есть веренье, а ведение; но ведение не похожее на познание наше о внешнем мире. Она есть познание внутреннее, подобное тому, какое имеем мы о явлениях нашей умственной жизни. Она есть дар благодати Божией, она знаменует присутствие Духа истины в

нас самих. Но единение земного человека с его Спасителем всегда несовершенно: оно становится совершенным только в той области, где человек слагает свое личное несовершенство в совершенство взаимной любви, объединяющей христиан. Здесь человек опирается уже не на свои силы, точнее — не на свою немощь; он доверяет не себе лично, а возлагает все свое упование на святость любвеобильной связи, соединяющей его с братьями; и такое упование не может обмануть его, ибо связь эта есть Сам Христос, созидающий величие всех из смирения каждого (с. 171).

Письмо к монсеньору Лоосу, епископу Утрехтскому

(22)

Если вы в состоянии забыть, что разум человеческий познает истину только при помощи нравственного закона, которым человек соединяется с своими братьями, и что под условием лишь свободного подчинения своей личности этому закону нисходит на человека Божественная благодать; если Тогда будьте протестантами. (с. 236).

И.В. Киреевский

Киреевский И.В., Киреевский П.В. Полное собрание сочинений: В 4 т. Т. 1. Философские и историко-публицистические работы/Составление, примечания и комментарии А.Ф. Мальшевского. — Калуга: Издательский педагогический центр «Гриф», 2006.

В ответ А.С. Хомякову

(23)

Весь частный и общественный быт Запада основывается на понятии о индивидуальной, отдельной независимости, предполагающей индивидуальную изолированность. Оттуда святость внешних формальных отношений, святость собственности и условных постановлений важнее личности. Каждый индивидуум — частный человек, рыцарь, князь или город — *внутри своих прав* есть лицо самовластное, неограниченное, само себе дающее законы. Первый шаг каждого лица в общество есть окружение себя крепостию, из нутра которой оно вступает в переговоры с другими независимыми у властями (с. 38).

(24)

Рассматривая общественное устройство прежней России, мы находим многие отличия от Запада, и во-первых: образование общества в маленькие так называемые миры. Частная, личная самобытность, основа западного развития, была у нас так же мало известна, как и самовластие общественное. Человек принадлежал миру, мир ему. Поземельная собственность, источник личных прав на Западе, была у нас принадлежностью общества. Лицо участвовало во столько в праве владения, во сколько входило в состав общества (с. 39-40).

(25)

В России мы не знаем хорошо границ княжеской власти прежде подчинения удельных княжеств Московскому; но если сообразим, что сила неизменяемого обычая делала всякое самовластное законодательство невозможным; что разбор и суд, который в некоторых случаях принадлежал князю, не мог совершаться несогласно со всеобъемлющими обычаями, ни толкование этих обычаев по той же причине не могло быть произвольное; что общий ход дел принадлежал мирам и приказам, судившим также по обычаю вековому и потому всем известному; наконец, что в крайних случаях князь, нарушавший правильность своих отношений к народу и церкви, был изгоняем самим народом,— сообразивши все это, кажется очевидно, что собственно княжеская власть заключалась более в предводительстве дружин, чем во внутреннем управлении, более в вооруженном покровительстве, чем во владении областями.

Вообще, кажется, России так же мало известны были мелкие властители Запада, употреблявшие общество как бездушную собственность в свою личную пользу, как ей не известны были и благородные рыцари Запада, опиравшиеся на личной силе, крепостях и железных латах, не признававшие другого закона, кроме собственного меча и условных правил чести, основанных на законе самоуправства (с. 41-42)

Индиферентизм

(26)

Различие личности человеческой зависит от личности народной. В одном человеке противоречия мнений могут не мешать правильности внутреннего стремления. Но в народе соотношение догматов и нравственных стремлений – существенно.

Нет сомнения, что православный христианин, и приверженец латинской веры, и последователь протестантских учений могут во многом сочувствовать между собой, даже во многом, относящимся до предметов веры. Но это сочувствие до тех только пор может быть живое, покуда остается неразвитое, то есть покуда не достигнет до глубины основных убеждений ума и сердца. Там, на глубине души, каждый найдет свой внутренний мир, единодушно и тесно соединяющей его с единоверными братьями и отделяющий его несокрушимой стеной от приверженцев других исповеданий, ибо общие выводы каждого исповедания, не только богословские, но и философские и нравственные совершенно различны так, что самые первые, самые господствующие, самые решительные залогов внутренней жизни, те коренные убеждения, где ум и сердце сливаются в одну управляющую силу, - у каждого из них будут особенные и несопроницаемые с другими, разноречащими (с. 167).

(27)

Не менее естественно и то, что последователь исповедания протестантского, признавая разум главнейшим основанием истины, будет по мере развития своей образованности все более и более подчинять самую веру своему личному своему разумению, покуда понятия естественного разума не заменят ему всех Преданий Божественного Откровения и Святой Апостольской Церкви (с. 170)

Отрывки

(28)

Потому отвлеченное мышление, касаясь предметов веры, по наружности может быть весьма сходно с ее учением, но, в сущности, имеет совершенно отличное значение именно потому, что в нем недостает смысла сущности, который возникает из внутреннего развития смысла цельной личности.

Весьма во многих системах рациональной философии видим мы, что догматы о единстве Божества, о его всемогуществе, о его премудрости, о его духовности и вездесущии, даже о его троичности – возможны и доступны уму неверующему. Он может даже допустить и объяснить все чудеса, принимаемые верою, подводя их под какую-нибудь особую формулу. Но все это не имеет религиозного значения только потому, что рациональному мышлению неместимо сознание о живой личности Божества и о ее живых отношениях к личности человека (с. 192).

(29)

Сознание об отношении живой божественной личности к личности человеческой служит основанием для веры, или, правильнее, вера есть то самое сознание, более или менее ясное, более или менее непосредственное. Она не составляет чисто человеческого знания, не составляет особого понятия в уме или сердце, не вмещается в одной какой-либо познавательной способности, не относится к одному логическому разуму, или сердечному чувству, или внушению совести, но обнимает всю цельность человека и является только в минуты этой цельности и соразмерна ее полноте. Поэтому главный характер верующего мышления заключается в стремлении собрать все

отдельные части души в одну силу, отыскать то внутреннее средоточие бытия, где разум и воля, и чувство, и совесть, и прекрасное, и истинное, и удивительное, и желанное, и справедливое, и милосердное, и весь объем ума сливается в одно живое единство и таким образом восстанавливается существенная личность человека в ее первозданной неделимости (с. 192).

(30)

Не для всех возможны, не для всех необходимы занятия богословские; не для всех доступно занятие любомудрием; не для всех возможно постоянное и особое упражнение в том внутреннем внимании, которое очищает и собирает ум к высшему единству; но для всякого возможно и необходимо связать направление своей жизни с своим коренным убеждением веры, согласить с ним главное занятие и каждое особое дело, чтоб всякое действие было выражением одного стремления, каждая мысль искала одного основания, каждый шаг вел к одной цели. Без того жизнь человека не будет иметь никакого смысла, ум его будет счетною машиной, сердце — собранием бездушных струн, в которых свищет случайный ветер; никакое действие не будет иметь нравственного характера, и человека собственно не будет. Ибо человек — это его вера. (с. 194)

О необходимости и возможности новых начал для философии

(31)

Внутреннее сознание, что есть в глубине души живое общее средоточие для всех отдельных сил разума, сокрытое от обыкновенного состояния духа человеческого, но достижимое для ищущего и одно достойное постигать высшую истину, - такое сознание постоянно возвышает самый образ мышления; смиряя его рассудочное самомнение, он не стесняет свободы естественных законов его разума; напротив, укрепляет его самобытность и вместе с тем добровольно подчиняет его вере. Тогда на всякое мышление, [не – добавление моё (А.А.)] исходящее из высшего источника разумения, он смотрит как на неполное и потому неверное знание, которое не может служить выражением высшей истины, хотя может быть полезным на своем подчиненном месте и даже иногда быть необходимою ступенью для другого знания, стоящего на ступени еще низшей. (с. 231-232)

Киреевский И.В., Киреевский П.В. Полное собрание сочинений: В 4 т. Т. 2. Литературно-критические статьи и художественные произведения / Составление, примечания и комментарии А.Ф. Малышевского. – Калуга: Издательский педагогический центр «Гриф», 2006.

Обозрение современного состояния словесности

(32)

Многомыслие, разноречие кипящих систем и мнений при недостатке одного общего убеждения не только раздробляет самосознание общества, но необходимо должно действовать и на частного человека, раздвояя каждое живое движение его души. Оттого, между прочим, в наше время так много талантов и нет ни одного истинного поэта. Ибо поэт создается силою внутренней мысли. Из глубины души своей должен он вынести кроме прекрасных форм еще самую душу прекрасного: свое живое, цельное воззрение на мир и человека. Здесь не помогут никакие искусственные устройства понятий, никакие разумные теории. Звонкая и трепещущая мысль его должна исходить из самой тайны его внутреннего, так сказать, надсознательного убеждения, и где это святилище бытия раздроблено разноречием верований или пусто их отсутствием, там не может быть речи ни о поэзии, ни о каком могучем воздействии человека на человека (с.172)

(33)

Но, сознавая неудовлетворительность европейской образованности, общее чувство тем самым отличает ее от других начал всечеловеческого развития и, обозначая его как особенное, *обнаруживает нам отличительный характер западного просвещения в его частях и совокупности как преимущественное стремление к личной и самобытной разумности* в мыслях, в жизни, в обществе и во

всех пружинах и формах человеческого бытия. Этот характер безусловной разумности родился также из предшествовавшего ему, давно прошедшего стремления, из прежнего усилия не воспитать, но насильственно запереть, мысль в одной схоластической системе (с. 191-192).

(34)

Несознанная мысль, выстрадавшая жизнью, потемненная ее многосложными отношениями и разнородными интересами, восходит силою литературной деятельности по лестнице умственного развития от низших слоев общества до высших кругов его, от безотчетных влечений до последних ступеней сознания, и в этом виде является она уже не остроумною истиною, не упражнением в искусстве риторики или диалектики, но внутренним делом самопознания более или менее ясного, более или менее правильного, но во всяком случае существенно значительного. Таким образом вступает она в сферу общего всечеловеческого просвещения как живой неизъемлемый элемент, как личность с голосом в деле общего совета; но к внутреннему своему основанию, к началу своего исхода возвращается она как вывод разума к неразгаданным обстоятельствам, как слово совести к безотчетным влечениям. Конечно, этот разум, эта совесть могут быть затемнены, испорчены; но эта порча зависит не от места, которое литература занимает в образованности народа, а от искажения его внутренней жизни, как в человеке ложность разума и растленность совести происходит не от сущности разума и совести, но от его личной испорченности (с. 196 - 197).

(35)

Огромная фабрика бездарных стихов, без малейшей тени поэзии; казенные эпитеты, ничего не выражающие и, несмотря на то, постоянно повторяемые; совершенное бесчувствие ко всему художественному; явное презрение всякого мышления, не ведущего к материальным выгодам; мелочные личности без общих основ; пухлые фразы с самым узким смыслом, осквернение святых слов *человеколюбия, отечества, общественного блага, народности* до того, что употребление их сделалось даже не ханжество, но простой общепонятный штампель корыстных расчетов; наружное уважение к внешней стороне законов при самом наглom их нарушении; дух сообщничества из личных выгод при некраснеющей неверности соединившихся лиц, при явном неуважении всех нравственных начал** — так что в основании всех этих умственных движений, очевидно, лежит самая мелкая жизнь, отрезанная от всего, что поднимает сердце над личною корыстию, утонувшая в деятельности эгоизма и признающая своею высшею целью материальный комфорт со всеми его служебными силами. Нет! Если уже суждено будет русскому за какие-нибудь нераскаянные грехи променять свое великое будущее на одностороннюю жизнь Запада, то лучше хотел бы я замечтаться с отвлеченным немцем в его хитросложных теориях; лучше залениться до смерти под теплым небом в художественной атмосфере Италии; лучше закружиться с французом в его порывистых, минутных стремлениях; лучше закаменеть с англичанином в его упрямых, безотчетных привычках, чем задохнуться в этой прозе фабричных отношений, в этом механизме корыстного беспокойства (с. 203- 204).

** “Es finden allerdings rechtliche Zustände, ein formelles Rectsgesetz statt, aber diese Rechtlichkeit ist ohne Rechtschaffenheit”, — говорит Гегель в своей “Фил[ософии] ист[ории]”. («Хотя существуют правовые положения, формальный правовой закон, но эта законность бесчестная». — *Ред.*) [Эта сноска есть в издании *И.В. Киреевский. Критика и эстетика*. М.: Искусство, 1979. С. 184. В цитируемом издании она отсутствует – А.А.]

(36)

Ибо две образованности, два раскрытия умственных сил в человеке и народах представляет нам беспристрастное умозрение, история всех веков и даже ежедневный опыт. Одна образованность есть внутреннее устройство духа силою извещающейся в нем истины; другая — формальное развитие разума и внешних познаний. Первая зависит от того начала, которому покоряется человек, и может сообщаться непосредственно; вторая есть плод медленной и трудной работы. Первая дает смысл и значение второй, но вторая дает ей содержание и полноту. Для первой нет изменяющегося развития, есть только прямое признание, сохранение и распространение в подчиненных сферах человеческого духа; вторая, быв плодом вековых, постепенных усилий, опытов, неудач, успехов,

наблюдений, изобретений и всей преемственно богатящейся умственной собственности человеческого рода, не может быть создана мгновенно, ни отгадана самым гениальным вдохновением, но должна слагаться мало-помалу из совокупных усилий всех частных разумений. Впрочем, очевидно, что первая только имеет существенное значение для жизни, влагая в нее тот или другой смысл, ибо из ее источника истекают коренные убеждения человека и народов; она определяет порядок их внутреннего и направление внешнего бытия, характер их частных, семейных и общественных отношений, является начальной пружиной их мышления, господствующим звуком их душевных движений, краскою языка, причиною сознательных предпочтений и бессознательных пристрастий, основою нравов и обычаев, смыслом их истории (с. 210).

К. С. Аксаков

К.С. АКСАКОВ: Сочинения филологические, т. II, часть I, Москва, 1875.

О грамматике вообще (по поводу грамматики г. Белинского).

(37)

Итак, первый момент освобождения, первое определение личности, было первое личное Имя: *Я*, и вся неодушевленная природа отпала от человека. Второй момент освобождения, второе определение личности, было: *Ты*, второе личное Имя: здесь человек отделил себя от существ ему подобных, здесь уже он *Ты!*— это *Я*, а это *Ты*. Тут личность его определяется до индивидуальности. Природа имеет также свое общее Имя, это Имя: "*Он*" (а, о), все то, что существует вне *Я* и вне *Ты* (с. 3).

К.С. АКСАКОВ. Эстетика и литературная критика / Составление, подготовка текста, вступительная статья, комментарии В.А. Кошелева. М.: Искусство, 1995.

Еще несколько слов о русском воззрении

(38)

И вдруг раздается противоположный совет: разве может быть *свое* мнение, *свое* воззрение? Воззрение должно быть общечеловеческое. «Должно иметь воззрение не свое, а общечеловеческое». Громкая фраза, но ложная в самом построении своем. Общечеловеческое само по себе не существует; оно существует в личном разумении отдельного человека. Чтобы понять общечеловеческое, нужно быть *собою*, надо *иметь свое мнение*, надо мыслить *самому*. Но что же поймет тот, кто своего мнения не имеет, а живет чужими мнениями? Что же сделает, что же придумает он *сам*. Ничего: за него думают другие; а он живет под умственным авторитетом других и *сам* ничего не может сделать для общего дела. Только самостоятельные умы служат великому делу человеческой мысли. Скажите, спрашиваю я наконец: хорошо ли, если человек *не имеет своего мнения!* Надеюсь, что мне ответят: нет (с. 320).

(39)

Для вящего уяснения того, что истина может быть народна в то же время, скажем: истина в проявлении своем многостороння; народ постигает или открывает известную сторону истины, приходящуюся на его долю, доступную его народной личности, его народности. Сравнение с отдельным лицом здесь вполне у места. Возьмем какой-нибудь предмет постижения, например «Илиаду» Гомера. Один, согласно с своей философской природой, определит ее теоретически; другой, филолог,

определит ее с филологической стороны, третий — с этнографической, четвертый — с исторической. Каждый из этих вопросов допускает множество толкований, споров, ошибок, из которых результат — все же истина; кроме того, каждый из вопросов имеет множество сторон истинных, которые могут быть определены, каждая особым лицом, согласно с нравственною или умственною природою и личностью каждого. То же самое видим и в деятельности народов: каждый имеет свою долю самостоятельной народной деятельности, постигает истину с известной стороны или являет ее в себе, в силу и только в силу своей народности и самостоятельности, без которой он немощен и бесцветен; истина, постигнутая народом с известной ему свойственной стороны, делается общим достоянием человечества (с. 322).

Передовые статьи газеты «Молва»

"Молва", № 5, 11 мая 1857 г.

(40)

Народность есть личность народа. Точно так же, как человек не может без личности, так и народ без народности. Если же и может встретиться человек без личности, народ без народности, то это явление жалкое, несчастное, бесполезное и себе и другим Личность не только не мешает, но она одна и дает возможность понять вполне и свободно другого человека, другие личности. Так точно и народность одна дает возможность народу понять другие народности. Где исчезает она, там исчезает, материально или нравственно, сам народ. Народность это есть живая, цельная сила, имеющая в себе нечто неуловимое, как жизнь (с. 368).

(41)

Каждый народ пусть сохраняет народный облик (физиономию): только тогда будет иметь он и человеческое выражение. Неужели же захотят сделать из человечества какое-то отвлеченное явление, где бы ни было живых, личных народных черт? Но если отнять у человечества личные народные краски, то это будет бесцветное явление, до которого можно дойти только через искусственное собрание правил, под которые народ должен подводить себя, стирая притом свою народность. Это будет уже своего рода официальное, форменное, казенное человечество. По счастью, оно невозможно, и идея его может явиться только как крайняя, и притом нелогическая отвлеченность в уме человеческом (369).

"Молва", № 2, 20 апреля 1857 г.

(42)

Народ есть та великая сила, та живая связь людей, без которой и вне которой отдельный человек был бы бесполезным эгоистом, а все человечество - бесплодной отвлеченностью. Разъединяющий эгоистический элемент личности умеряется высшим началом живого союза народного, другими словами: великодушием общинного элемента. В общинном союзе не уничтожаются личности, но отрываются лишь от своей исключительности, дабы составить согласное целое, дабы явить желанное сочетание всех. Они звучат в общине, не как отдельные голоса, но как хор.

Община, этот высший нравственный образ человечества, является в несовершенном виде на земле. Христианство освятило и просветило общину, дотоле неясно сознаваемую или предчувствуемую народами. И община стала идеалом недостижимым, к которому предстоит вечно стремиться (с. 364)

"Молва", № 9, 8 июня 1857 г.

(43)

Простой народ есть основание всего общественного здания страны. И источник вещественного благосостояния, и источник внешнего могущества, источник внутренней силы и жизни, и нако-

нец мысль всей страны пребывают в простом народе. Отдельные личности, возникая над ним, могут, на поприще личной деятельности, личного сознания, служить с разных сторон делу просвещения и человеческого преуспеяния; но тогда только и могут они что-нибудь сделать, когда коренятся в простом народе, когда между личностями и простым народом есть непрерывная живая связь и взаимное понимание.

Находясь на низшей ступени лестницы житейской, вне всяких почестей и наружных отличий, простой народ имеет за то великие блага человеческие: братство, цельность жизни и (так как мы, говоря о простом народе, разумеем русский) быт общинный.

Напрасно думают, что простой народ есть бессознательная масса людей. Если бы это было так, то он был бы то же, что неразумная стихия, которую можно направлять в ту и в другую сторону. Нет, простой народ имеет глубокие, основные убеждения - условие существования для всей страны. Защищая эти убеждения, он, точно, в силе своей равняется стихии; но это стихия разумная, имеющая нравственную волю; это стихия только по дружному, цельному своему составу и действию. Есть прекрасное выражение на Руси для такого проявления народной силы:

стали все, как один человек.

Простой народ есть страж предания и блюститель старины; но в то же время он не есть слепой раб ее. Да и было же время, когда старина была новизною. Простой народ принимает новое, но не скоро, не легкомысленно, не из презрения к старине, не из благоговения к новизне. То, что он примет, примет он самобытно, усвоит прочно и перенесет в свою жизнь. Легкомысленные личности, для которых жизнь есть непрерывный маскарад, или убеждения которых, если и постоянные, не имеют корня в самой стране и плавают в какой-то отвлеченной атмосфере, как ошибаются они, принимая обдуманность народа, его мерный и верный шаг, среди прыгающих и бегущих около него, отдельных личностей, за какую-то неподвижность, или, по крайней мере, за косность. Это показывает только, что народа не понимают. У нас же, в России, неохота, недоверчивость, с какой принимает новое, имеет свою историческую причину, свое законное оправдание (с. 374-376)

"Молва", № 12, 29 июня 1857 г.

(44)

К сожалению, должно признаться, что, - при многих отдельных нравственных личностях, - общественная нравственность у нас понимается и проявляется мало (с. 382).

(45)

Надобно помнить, что в каждом из нас, кроме личного человека, есть человек общественный, и что личное мое достоинство мне не извинение, если я еду на бал к человеку порочному или развратному, и, своим присутствием, поддерживаю его порок и разврат в обществе. Здесь я нарушаю общественную нравственность. Должно не только не быть "губителем", но и не "сидеть на седалище губителей".

Повторяем: мало одной личной нравственности, необходима нравственность общественная. (с. 383)

О современном человеке.

(46)

Как ни будь искренно и прекрасно движение человека, но как скоро он в себе заметит его, оценит и будет любоваться всякий раз, как оно посетит его, — движение это уже потеряет свою цельность, свою девственную правду. Но это лишь первая ступень к потере искренности; здесь-то и надо быть осторожным, здесь-то и надо удержать себя от быстрого, часто чудовищного развития эгоистического начала личности. А не то мгновенно вырастет соблазн и могущественно обхватит душу. Человек скоро поймет, что все его прекрасные порывы и восторги, все глубокие чувства и мысли могут быть в то же время и прекрасным для него нарядом, очень блестящим, очень выгодным для его самолюбия... и, поняв это, все свое душевное богатство отдаст в употребление

своему самолюбию, а самолюбие, как известно, редко довольствуется внутренним сознанием; оно не любит тайны для хороших дел, оно хочет рукоплесканий и признания от целого мира (с. 422).

(47)

Человек *не для себя* пылок, *не для себя* благороден, *не для себя* кипит смелым негодованием; одним словом, он, если угодно, *живет не для себя, а для других*. Но эта жизнь для других, при своем сходстве в букве с высокою добродетелью, составляет ее крайнюю противоположность; это *для других* значит вдвойне для себя; *для других*, потому что другие — *для меня*: меня хвалят другие, мною восхищаются и становятся моим пьедесталом. Разумеется, что здесь искренность всякого движения потеряна; разумеется, что всякий источник живого действия иссякает; остается сухое самолюбие, раздражительность и те отощавшие природные дары, с которыми так безжалостно поступлено. Так как неискренно, не в самом деле чувствует человек, что говорит, то его собственные поступки, как скоро это безопасно для его самолюбия, нисколько не согласуются с его словами. Наконец даже и внутренняя ложь становится не нужна человеку; он перестает в себе возбуждать, даже по памяти, некогда жившие (423) в нем чувства, перестает заботиться о том, как бы схитрить с собой, думает прямо лишь об одном своем успехе и становится почти лицемером, с тою разницею, что иной все еще скрывает это от себя, а другой не скрывает, да еще часто обращает свой разврат душевный в свою особую, житейскую, практическую теорию. Это уже крайняя степень начала лжи: здесь один шаг — и человек переходит в область обмана. Этот обман тем хуже, что вышел из внутреннего обмана, из лицемерия перед самим собой. Он прибавляет немного к страшному злу, ибо внутри уже разрушено все живое, всякая возможность правды подъедена, одним словом, в душе страшная пустыня. Это не то, что обман цыгана, который надует покупателя из своих расчетов: поняв и почувствовав, что обман дело худое, цыган может стать самым честным и правдивым человеком. Но здесь не то: здесь зло глубже, здесь обман идет из самого родника человеческой души, здесь человек солгал прежде всего пред собой самим; он не отталкивал, не попираал своих прекрасных движений и убеждений, но их самих, но душу свою обратил он в ложь, делая из души своей наряд своему самолюбию. Человек подрывает, таким образом, в самом корне все свое душевное добро и мало-помалу доходит до страшного, почти отчаянного состояния. Способность всякого внутреннего движения вовсе пропадает; наступает совершенное нравственное бессилие; остается одно бесплодное сознание, у кого оно может возникнуть.

В таком положении находится не тот или другой человек, но вообще человечество (разумеется, западноевропейское и то, которое за ним следует); ибо эта раздвоенность, это сухое самолюбие обняло все действующие лица его народов, всякое его историческое движение (с. 424)

(48)

До сих пор мы рассматривали *личную* испорченность человека; но эта личная испорченность, этот частный разврат есть в то же время общее состояние человека. Такой общий личный разврат непременно отражается и в общественной жизни необходимым условием общественного быта. Скажем более: общественная жизнь есть главная основа человека, ибо в ней является уже не личная его слабость, но то, во что он верит, но его нравственный кодекс. Как лицо, человек может ошибаться, являясь тогда грешником; но как общество, человек, ошибаясь, является еретиком. Общество с своим образом жизни есть учение, исповедание человека; исповедание есть главное основание нравственное, за что может и должен быть судим человек; здесь уже нет вопроса о личной слабости. Огромная разница, например, между человеком, впадающим в порочное дело по слабости личной, и человеком, который думает и признает, что следует поступать порочно. Общество есть непременно выражение образа мыслей, есть исповедание человека. Ослабление истинно общественного начала в человеке разнуздало его личность и довело его до страшной современной порчи. Поэтому обратим внимание наше на общественную жизнь (с. 432).

(49)

Неотъемлемое высокое стремление человека, связанное с его человеческим существом, есть — *общественность*. Это стремление замечается на самых первых ступенях образования. Не одна нужда взаимной помощи, не одна выгода и расчет соединяют людей в одно общество. Для них необходимо быть вместе уже по влечению их чувства и мысли: сообщить друг другу все, что их занимает, поделиться печалью и радостью, оказать и видеть участие для них необходимо. Но во всех этих потребностях, в этом стремлении сообщаться лежит высшая духовная причина, не для всех сознательно ясная. Эта причина — потребность согласия. Отсюда стремление каждой личности уничтожить свою одинокость и возвыситься в общую жизнь, в которой, исчезая как одинокая личность, он возникает и слышит себя как общество, в согласии других таких же личностей, также перешедших в общую жизнь. Как звук не пропадает в созвучии, так не пропадает и личность, подавая свой голос в общественном хоре, который есть высшее явление человеческой жизни, если не вполне осуществимое, то высшее как *мысль*, как *начало*, в котором лежит предощущение царства Божия. Все мироздание носит на себе печать гармонии и согласия; но природа бессознательна и только намекает на высшее духовное согласие. Весь мир, по слову Божественной истины, не стоит одной души человеческой. Сознательному человеку предоставляется самому исполнить свободный и потому высший подвиг: образовать духовный хор, где утоляется яд личного эгоизма и исцеляется ненасытная, всепоглощающая жажда личности, — эта жажда греха. Этот подвиг совершается силою и делом любви. И вот перед нами возникает новое явление — живое единство, которое не имеет материального внешнего вида, как отдельная личность, которого образ самый существует в области мысли: *общество*. Общество принимаем мы здесь в его основном глубоком значении. Это не человек один, но это и не куча людей, случайно или по внешним причинам собранных вместе, причем каждая личность или сохраняет свою отдельность, как в каждой ассоциации, или совершенно уничтожается в одной массе, как в грубом обществе, похожем на стадо. Общество же в истинном смысле совсем другое дело. Общество есть такой акт, в котором каждая личность отказывается от своего эгоистического обособления не из взаимной своей выгоды, как в ассоциации (где, соединяясь в совокупную силу с другими, она сохраняет и даже усиливает свою внутреннюю отдельность), а из того общего начала, которое лежит в душе человека, из той любви, из такого братского чувства, которое одно может созидать истинное общество. Общество дает возможность человеку не утратить себя (тогда бы не было общества), но *найти себя* и слышать себя *не в себе*, а в общем союзе и согласии, в общей жизни и в общей любви. Для такого явления нужно, разумеется, чтоб не одна, но все личности известной совокупности людей отказывались от своей внутренней одинокости и чувствовали себя в общем целом. Уже одно это, уже одно существование такого общества есть нравственный подвиг — подвиг любви и разумения духа, освобождающегося своею общеою стороною. Повторяем: личность не уничтожается здесь, как уверяют защитники особничества; напротив, она отрешается лишь от своего эгоизма и, постоянно погружаясь в общее любовное согласие, постоянно слышит себя в этой общей согласной любви и восходит, следовательно, в высшую область духа. Таково общество в настоящем своем смысле.

Эта область так высока, что человеку достойно нельзя осуществить ее на земле. Но если достижение невозможно для человека на земле, то для него возможно стремление и постоянное приближение к этой истине. По своему стремлению, по своим усилиям судится человек. Весь вопрос в том, *во что он верит и куда стремится!* Если бы только тот мог назваться христианином, кто осуществляет в себе это имя, то не было бы одного христианина на земле, ибо христианского совершенства человек не достигает; но тот человек достоин назваться христианином, что верит во Христа и стремится быть христианином. Так и общества, как мы его определили, нельзя найти на земле в совершенном виде, вполне осуществленным; но оно существует уже там, где оно лежит как начало — совершенное само по себе и несовершенное лишь в осуществлении, чему обыкновенно мешает греховная личность человека. Общество в своем истинном смысле и в своем всеобъемлющем размере есть церковь; но и церковь на земле — есть церковь воинствующая. Сама церковь совершенна; христиане же грешны и, как люди, часто падают в борьбе (с. 433-434).

(50)

Предпослав эти строки, обратим теперь внимание на ход и проявление общественного начала в человеке. В человеке есть разумное, сознательное начало личности, отделяющее его от природы. Это начало может возвести его до небес и низвергнуть до ада. Личность дана человеку с тем, чтоб он сознательно и свободно победил ее в себе и нашел для нее центр не в ней самой, а в Боге. Начало личности есть грешное начало, как скоро личность служит себе, и становится высоким подвигом, как скоро личность отрекается от себя и служит не себе, а отказывается от себя, полагая центр не в себе, а в истине и любви братской, и образует общество (с. 435)

(51)

Нет личности – нет и общества. Человек же, который есть сознательная единица, собственным сознательным подвигом должен образовать союз высокой любви или общество. Этот подвиг, эта борьба личного греховного начала с началом благим, общественным, которое лишь при самоотвержении личности возможно и при котором просветляется себя победившая личность, - эта борьба наполняет всю жизнь человека и человечества и начинается для человека с самых первых дней рода человеческого...» (с. 436)

(52)

Общественное начало и начало личное — различны и различно проявляются. Общественное начало предполагает личность и заключает уже ее в себе. По этому самому это уже есть начало полное и высшее. Общество без личности существовать не может; оно есть гармония личностей. Личность отказывается здесь от своего эгоизма и находит себя уже не как отдельная личность, а как любовная совокупность личностей; переставая быть центром, личность становится одним из лучей, согласно истекающих из общего любовного союза, невидимый центр которого в Боге. Он один, и только Он — один. (437)

(53)

Общественное начало, выразившееся естественно, переходит в высшую область духа и является как общество. Мы уже определили значение общества. В общество (высшее явление человеческого духа) переходит естественная общественность. В обществе личность не подавляется, не исчезает (как думают, пожалуй, иные); напротив, здесь получает она свое высшее значение, ибо только личность, чрез отрицание самой себя как я, как центра, доходит до согласия личностей, до нового явления, где каждая личность является в любовной совокупности личностей; таким образом, акт общества есть акт совокупного самоотвержения. Только личность чрез высокий подвиг самоотвержения может образовать общество. Итак, личность в обществе не исчезает; она действует, но устремляясь не к себе, а к общему согласию; не теряясь, но находя себя, как согласная совокупность взаимно отрехшихся от своей особенности, взаимно самоотверженных личностей, слышащих себя в общем дружном союзе всех (с. 437-438)

(54)

Таково общество в своем истинном смысле: здесь становится оно общиной. Община является в человеке как начало, к которому он стремится. Народ, понявший высокий смысл общины и взявший ее как начало, есть народ славянский и преимущественно русско-славянский народ, образовавший у себя «мир» еще до христианства. Мы сказали, впрочем, что начало общины, проявляясь на земле отдельными общинами в народе, даже смыкая весь народ в одну общину, все же несовершенно. Высший, истинный образ общины есть церковь, община, объемлющая все человечество, переступающая конечные пределы и полагающая свое средоточие в Боге. Бог-Христос есть глава церкви, вечной, вселенской общины. Итак, вот проявление в человеке начала общественного, начала божественного, в Боге имеющего свое средоточие. Это единственное начало любви и добра. Это начало принял славянский мир.

Совершенно иное начало личности. Здесь личность является сама средоточием. При начале общественном средоточие лежит вне личности; при начале личном средоточие лежит в личности. Лич-

ность есть явление цельное, *одно*. Являясь в человеке и вообще в духе конечном, личность, имеющая средоточие в себе, привлекает к себе, как средоточие, все вне себя находящееся; лишь к себе стремится, лишь себя любит. Любовь к себе (эгоизм) исключает любовь к другим: весь мир, все личности служат ей питанием. Личность есть начало *единого*. И так как единый вне Бога есть явление конечное и ограниченное, то это конечное начало единого, не будучи в состоянии обнять весь мир, стремясь быть единым, все вне себя уничтожает. Начало личное есть начало зла; отношение личного начала есть вражда и ненависть. *Один* только Бог, и Он один есть любовь, ибо он Бог и все объемлет. Он Один есть лицо, ибо Он один внеконечен, ибо Бог Один и *Все*. Один *вне* Бога есть сатана. Конечная личность только чрез самоотвержение, чрез отрицание себя в Боге достигает до Бога и до добра; единица личности, лишь отвергаясь себя как единицы, очищается и просветляется. Лишь чрез любовь, чрез самоотвержение, чрез общину и чрез церковь достигает конечная личность до Бога. Бог Один. Бог — Лицо, таинственно являясь в трех ипостасях. Личное начало есть начало эгоизма, есть источник зла. Личность, находя в себе средоточие, все пожирает, все обращает в снесь себе, жаждет и томится вечным голодом. Это жажда греха. Яд личности умеряется общественными условиями.

Личное начало, являясь живущим как множество себе подобных и вступая в общество, образует это общество иначе. Здесь, прежде всего, мы встречаемся с поклонением личности в одном человеческом лице, поклонением, выработавшимся в обществе азиатском: это устройство общества деспотическое. В этом обществе одно лицо живет в народе; народ же служит ему подножием и питанием. Все приносится в жертву этому Молоху, и весь народ, кроме одного этого лица, сливается в одну массу, в которой нет ни личности, ни общества. Все другие лица в народе, им управляемые, суть отражения этого верховного лица, отражения, постепенно бледнеющие. Дикае бунты, прорывающиеся от времени до времени, показывают всю неестественность такого общественного определения; но эти грозы, порожденные желанием вздохнуть свободно, не освежают воздуха, ибо не изменяют порядка. Такой деспотический порядок имеет свои видоизменения в истории, свои уклонения, вытекающие из лжи такого устройства. Такова Азия.

В народах европейского Запада личное начало стало исходным пунктом, основою их общественной жизни, как скоро эта жизнь вышла из целостности непосредственной. Но в Европе это начало представляет совершенную противоположность таковому же началу в Азии. В Азии личность признается как начало в *одном* лице; в Европе в *каждом*. Такое признание породило явление противоположное, но равно чуждое общине. Скажем, что, вырываясь из непосредственного общественного быта, из-под исторических условий, устройство общественное Европы прошло много переходов. Мы не намерены рассматривать этот любопытный исторический ход, эти изменения западного общественного устройства. В сущности, оно одно. Личность, признаваемая в каждом, естественно разрывает общество на столько частей, сколько личностей, естественно делит оное на единицы. Разрозненные единицы не могут, однако же, жить порознь; их удерживает к тому породная сила, племенная естественная связь, из которой они произошли (общезжительность никогда не оставляет человека). Но кроме этих естественных, прирожденных условий личность видит выгоду жить вместе и помогать друг другу; итак, для личности, даже не подлежащей естественным и историческим условиям, является просто расчет, вследствие которого необходимо жить вместе. Этот-то расчет и есть та связь, которая легла в основание европейского общества, кроме естественных условий, столь долго сохраняющих свою силу.

При начале особничности человек видит, однако, пользу и выгоду союза с людьми, и этот союз, возникший сперва вследствие естественных причин, удерживается, сверх того и сознательно. Но этот союз, вытекающий из расчета взаимной пользы, становится условным соединением людей общества в настоящем смысле здесь не возникает, люди здесь также отказываются от излишества своей личности или, лучше, ограничивают взаимно свои личности, но чисто внешним образом, вследствие простого расчета, что человек человеку нужен, а чтобы жить вместе и не рассориться, нельзя давать себе полной воли. Итак, здесь люди отказываются от излишнего произвола только потому, что произвол вызовет произвол другого и выйдет драка. Желая, чтоб меня не тронули, я не трону другого. Вот единственный расчет такого общественного союза. Таким образом возникает союз людей, похожий на общество; но это не общество, это общественный контракт,

общественная сделка. Средоточием здесь остается личность человека, личность, принужденная для своей личной выгоды явиться в совокупности с другими личностями, признает чужую личность для того, чтоб ее признали в свою очередь, и условно ограничивает себя, чтоб избежать ссоры. Любви нет в этом круге людей; она является совершенно лишнею при удержанном во всей силе эгоистическом начале личности и при сделке, отсюда возникшей. Такая сделка при личности как средоточии (личности, все стремящейся поглотить в себя) необходима: что же иначе может удержать личность? Только сделкою достигается здесь наружный мир и наружное согласие; другой связи, связи любви, связи истинно общественной между ними нет. Это сделка эгоизмов, совершенно возможная и между бездушными разбойниками, не терпящими друг друга или равнодушными друг к другу.

Начало личности поднял Запад Европы, и потому в нем нет общества в истинном смысле, а на место того общественная сделка. С другой стороны, это начало личности, признаваемой в каждом, пробуждает к деятельности личные силы и способности человека, и это эгоистическое начало облекается в блестящую одежду, сопровождается изумительною деятельностью, гордо и красиво. Понятое в каждом, оно представляет совершенно противоположную картину азиатскому началу личности, признанному в одном человеке. Коснение есть непременная принадлежность начала азиатского: целый безмолвный народ недвижно стоит подножием одного лица; все силы народные лишены всякой самобытности и служат лишь средствами одному лицу, которое все-таки бессильно своей одинокостью. Движение есть элемент западноевропейского начала: всякий подает свой голос, всякий предъясняет свои права, всякий дает другим свое, чтоб получить от других ихнее; ум блещет, страсти кипят, таланты приносят плоды. Здесь начало личности, начало зла, не является бессильным, бездейственным, слабым и ничтожным. Нет, именно оно облечено в поражающий блеск, исполнено энергии, дышит красивой гордостью и обладает всевозможными эффектами. Разве самая корысть, зависть не напрягают сил, не совершают великих, блестящих дел? Но это нисколько не изменяет их низкой природы и свидетельствует только о деятельности начала зла. Злодей, в котором мы можем удивляться энергии и уму, тем не менее злодей. Существо человеческое, как бы ни был лжив путь его, не может быть само по себе положительно злым; но начало, им принятое, может быть злом положительным. Начало личности, принятое Западом, есть положительное зло, зло тем сильнейшее, тем опаснейшее, что оно пленительно и действует своею прелестью на ум, на чувства; но и на этой ложной дороге человек являет освобождающиеся от лживого покрова (частным образом, в том или в другом случае) добрые стороны своей души.

Как ни блестящ, ни разнообразен Запад извне, но он не может наполнить нравственной пустоты, лежащей внутри его, того иссушающего начала личности, которое выбрал он своею исходною точкою; как ни старается он обработать свое общественное устройство, но оно остается тем же, тою же бездушною сделкою эгоистических личностей (с. 438-441)

(55)

Оно не вошло в жизнь западного общества, которому христианские начала так противоположны, но образовалось там как особое общественное устройство на той же почве личного начала, в той же личной среде. Сперва выдвинулась одна духовная личность папы, под влиянием воспоминаний Римского деспотизма (похожая на личность азиатского деспота), обобравшая совести у людей и лишившая их всякой свободной нравственной деятельности. Потом личность каждого возмутилась против духовного деспотизма и сделала христианство личным достоянием каждого, не поняв его целостности, не образовав общины, церкви (с. 442)

(56)

Таким образом, Европа даже и в настоящее время исключает из своей общественной сделки самый бедный класс народа и, следовательно, общее начало свое, начало личности, признаваемой в каждом, не распространяет еще на деле на каждого. Там, где начало личности принято за основание, тот, в ком оно не признано, являет существенно униженным. Итак, начало личности еще не распространено в Европе на каждого; много исторических условий ограничивают это распространение, и хотя такое ограничение вытекает и из эгоизма, однако оно сопровождается бла-

гими последствиями и спасает Европу от конечного истребления в ней всего доброго и всего живого (с. 443)

(57)

Но всего сильнее выразилось это начало в Соединенных Штатах Северной Америки. В Западной Европе много еще естественных племенных элементов, много даже противоречащих добрых побуждений, хотя подавленных началом, которое она избрала, много преданий, много воспоминаний о первоначальных днях своих; все это более или менее умеряет жестокость эгоистического начала; но в Соединенных Штатах нет никаких подобных неудобств. Самая почва их - почва новая, чужая. Вся составленная из выходцев, свободная даже от племенных связей, не знающая даже дней первоначальных, даже не народ, Северная Америка вся насквозь проникнута эгоистическим, холодным началом и вся представляет обширную общественную сделку людей между собою, лишенную всякой любви, сделку спокойную, крепкую, ибо основанную на себялюбивом расчете; разве только личные страсти могут на минуту заставить забыть этот расчет; в пределах же сделки эти страсти действуют со всею своею пожирающею силою. Нигде нет такого полного признания этой личности в каждом, как в общественной сделке Северной Америки; нигде нет такой страшной деятельности, устремленной, главное, на выгоду, как в Северной Америке; и зато нигде нет такого страшного эгоизма, такого бездушного тиранства и унижения себе подобных, как в Северной Америке, разводящей и продающей людей, искалеченных общественною сделкою, людей, не признаваемых людьми, несчастных негров. Как бы широко ни была составлена общественная сделка, как бы в пределах своих не признавала она всякую личность, все же она эгоистична, как сделка относительно всего, вне ее находящегося; она признает существование других народов и человеческих обществ только из страха и из выгоды. Вражда лежит тайно в основе. Ожесточенный бой возможен в каждую минуту. Одно, по-видимому, могло бы отвратить эту опасность. Если бы все человечество на всем земном шаре отказалось от всех народных и других нравственных общественных условий, от высших связей веры, обратилось в разрозненные единицы, в эгоистические личности, и составило одну всеобщую сделку, основанную на эгоистическом расчете каждого, — тогда это было бы всеобщая смерть жизни на земле. Механическое начало условности восторжествовало бы беспрепятственно, и все человеческое общество обратилось бы тогда в машину. Ум в человеке обратился бы в смысл, служащий для материальных улучшений, изобретений, и органического живого осталось бы в человеке только его физическая грубая сторона. Человек стал бы не нужен миру, бесполезен на земле. Самое сильное проявление начала личности и условности, самую резкую противоположность началу общины и свободе жизни представляет в наше время Северная Америка. Это великолепное общество-машина. (с. 443-444)

(58)

Общественная сделка, принимающая немедленно государственное значение, какие бы ни носила она там наименования, общественная сделка, откинув всякое внутреннее нравственное основание и вместе с тем общественную целостность и единство, взявши в основу один холодный расчет личных эгоизмов, отделилась и от общительного элемента, исключив его вовсе из себя. Сделка, по условности своей, исключает из себя элемент общительный, имеющий в себе непосредственный, естественный, следовательно, не условный характер. С другой стороны, эта сделка отняла у общежития всякий серьезный смысл. Общительный элемент, лишенный при общественной сделке всякого серьезного значения, остался один, опустевший, так сказать, совершенно. Вовсе исчезнуть он не мог, ибо естественное, врожденное от природы общительное стремление не могло уничтожиться; но он стал пуст и быстро развился своею легкою, пустою стороною (с. 445).

(59)

Нравственного основания в нем нет, но все же есть, однако, какое-то другое. Какое же это общее основание света?

Не приняв в основание нравственной, *внутренней* стороны, свет, как отсюда само собою следует, принял в основание сторону *внешнюю*. Внешность, наружность — вот чему служит

свет, вот что он возвел в закон, формулировал и обработал до мельчайших тонкостей, от наружности душевной до наружности телесной, от светских условий и приличий до приемов и до последней пуговицы на платье. Итак, общее начало, общее основание света есть *внешность*. Свет есть торжественное признание внешности, наружности, личины; ему нет дела до нравственного достоинства человека, лишь бы соблюдалось наружное приличие (с. 449)

(60)

Но внешность, признаваемая одна, без всякого вопроса о нравственном внутреннем содержании, но одна личина, принятая как принцип, есть уже сама по себе, по существу своему, сущая ложь, и ложь самая страшная. Таким образом, говоря более точными словами, ложь — вот основание светского общества. Поэтому свет есть торжественное исповедание лжи, и светское общество есть общество, торжественно проповедующее ложь (с. 449)

(61)

Люди кое-как толкуют еще о *личной* нравственности, о глубине своей души, другим невведомой, ссылаются на свой внутренний мир, никому не известный; такое объяснение очень удобно, но они забывают, что кроме личной нравственности есть *нравственность общественная*. Она-то и составляет камень преткновения почти для всех; смысла ее не понимают у нас доселе, по крайней мере, многие ...

Общество есть союз людей, основанный непременно на единстве верований, убеждений, на единстве нравственных начал. Это-то единство, общее для всех, и составляет общество, ту сферу, в которой все отдельные люди сливаются воедино, ту связь, которая держит всех вкупе и делает братьями. Понятна теперь общественная нравственность. Общественная нравственность есть соблюдение самого верования, есть хранение самой основы нравственной (с. 457-458).

(62)

Разница между личной нравственностью и общественной очевидна. Открытое соблюдение человеком начала нравственного, быть может, и не соответствует внутреннему состоянию человека как лица, не соответствует, следовательно, личной нравственности; открыто возвещаемое исповедание, быть может, и не проникает души человека: быть может, тайно, в глубине души своей, человек не верит тому, что возвещает как свое убеждение. Тогда это уже его личный грех. Кто знает душевную тайну? Общество не инквизитор и не берет на себя суда над самою душою человека, следовательно, за личную нравственность отвечает само лицо; но общество отвечает за свое нравственное начало, за нравственность общественную. Нарушение общественной нравственности состоит в отвержении самого исповедания или в открытом, наглom его несоблюдении. Общество во всей жизни своей, во всех своих проявлениях будучи воплощенным исповеданием нравственного начала, требует от лица, к нему принадлежащего, только признания исповедания; как же осуществляется оно внутренне в каждом лице — это дело самого лица. Нарушение личной нравственности есть грех, а нарушение нравственности общественной есть ересь.

..... Суд над личным достоинством, над душою человека, не принадлежит человеку. В этом смысле и сказано: *не осуждайте*. Перед нами грешник; меру его отношения к греху измерить люди не могут. Поэтому человеческий суд над грешником есть суд над грехом; самый грешник не осуждайте (с. 458)

(63)

Итак, грешник самый не осуждается, как скоро он только грешник, то есть как скоро грех является в нем самом противоречием его верованию и нравственному убеждению, как скоро грех самому грешнику представляется как грех и потому необходимо сопровождается раскаянием. Такой грешник, осуждая сам себя, не нарушает исповедания общества и общественной нравственности и, соединяясь с ним в этом исповедании, из общества и общественного союза не выходит. Греша как личный человек, он прав как человек общественный. (459)

(64)

Находясь в обществе, человек является как общественное единомыслящее лицо; отвергающий же самую основу общества не может по этому самому быть в союзе общественном, воздвигнутом на этой основе. Здесь является нарушение самого исповедания и общественной нравственности. Нарушающий исповедание не может быть в обществе, основанном непременно на общем единстве исповедания. Удерживать в общественном союзе человека, нарушающего его основу, значит соглашаться на нарушение самой основы и, следовательно, отказываться от нее, то есть от самого исповедания. Итак, человек, нарушающий нравственную основу общества, не может быть терпим в этом обществе и должен быть из него исключен. Здесь вовсе нет суда над душою человека, над личным его достоинством даже, но только над ним как над лицом общественным, ибо он виноват как общественный человек. Общественный суд (вполне законный, ибо это суд не над лицом человека, а над его верованием) выражается исключением человека из общества. Такое исключение не есть наказание, ни осуждение лица. Человеку говорят: мы все составляем общество, потому что верим одному; это *одно* связывает нас всех в один союз; ты этому не веришь, следовательно, ты и в союзе быть не можешь: поди от нас, мы не хотим колебать основу нашего союза. Итак, общество, преследуя грех, удаляет человека не потому, что он греху причастен, а потому, что он грех исповедует; следовательно, оно удаляет человека не тогда, когда он становится *грешником*, а когда он становится *еретиком*. Это слово принимаем мы здесь в обширном смысле. (с. 459-460)

(65)

Из этого следует, что общественная нравственность есть соблюдение *самой нравственной основы* общества, самого *исповедания*, а поэтому и соблюдение самого общества чрез очищение его, чрез исключение из него нарушающих нравственную основу общественного союза. Здесь является общественный суд, необходимый, обязательный для всякого, ибо всякий в обществе есть в то же время общественное лицо и имеет право общественного суда, то есть имеет право прекратить всякое общение с лицом, отвергающим основные общие начала. Этот суд, как сказано, не есть личное осуждение человека. «Ты не признаешь нравственным того, что мы признаем: ты не наш, не можешь быть в нашем обществе, основанном на том, чего ты не признаешь», — вот что говорят человеку и удаляют его из среды своей. Как скоро он вновь признает нравственную общественную основу, он вновь входит в общество.

.... Если общество есть *согласие*, то как же может быть в нем несогласный? Горе обществу, которое может вмещать в себе таких несогласных; не отрекается ли оно само от своего верования, принимая или не изгоняя отвергающих его верование? (с. 460-461)

(66)

Вот почему необходим общественный суд, который не есть личное осуждение, не есть осуждение от лица частного лицу частному; он судит не грешника (грешны все), но отступника, отвергающего так или иначе самое исповедание. Всякий человек есть общественное лицо и, как общественное лицо, в общественном деле судить и, если нужно, осуждать должен. Как скоро единство исповедания нравственного нарушено, то выбора и сомнения быть не может: предстоит или удалить отступника, или быть отступником; итак, снисхождению здесь нет места. Да и общественный суд не есть приговор над душою человека: здесь только ограждение своих общественных убеждений, без которых общество стоять не может. Общественный суд не только позволителен, но составляет нравственную обязанность каждого лица в обществе. (462)

(67)

Общество судит человека, как скоро он отвергает самую нравственную основу, самую веру общества: здесь вопрос не о личности человека, но об исповедании. Человек отрицает самую веру, связующую людей в общество, нарушает сам общественный союз, является отступником, и общество, не произнося и здесь личного приговора над человеком, исключает его из себя как неверного или отступника. Этот случай ясен и понятен (с. 463-464)

И. С. Аксаков

И.С. АКСАКОВ. Отчего так нелегко живется в России?/ Составление, вступительная статья В.Н. Грекова. М.: РОССПЭН, 2002.

Доктрина и органическая жизнь

(68)

Общественный и личный идеал человечества стоит выше всякого совершеннейшего государства, точно так, как совесть и внутренняя правда стоят выше закона и правды внешней (с. 125-126)

О взаимном отношении народа, государства и общества

(69)

Собственно говоря, это и не есть сознание в обыкновенном смысле: здесь совершается бессознательное *творчество* народного разума и воли. Народные единицы не *замечают* здесь участия своей личной мысли, участия однако несомненного; здесь нет *посредствующего* действия мысли между отдельною личностью в народе и народом. Как самое народное творчество принадлежит всему народу, а не отдельным лицам, так всему же народу принадлежит пока и сознание этого творчества. Отдельные лица уже особым, новым действием пересознания постигают мысль, вырабатываемую народным творчеством. Это постижение народной мысли личным сознанием есть уже новая ступень в жизни народной — народное *самосознание*. Это самосознание совершается в *обществе* (с. 138).

(70)

Личность, поглощаемая *в народе*, существующая и действующая в нем не сама по себе, а как часть, атом народного организма, получает вновь свое значение *в обществе*, но с тем, чтобы путем личного подвига и личного сознания утвердить свою связь с народом и воссоздать новую высшую, духовную цельность народного организма (с.139)

(71)

Мы уже объяснили прежде, *что* мы разумеем под образованием. Оно принимается нами не в смысле известного количества познаний, не в смысле одного умственного образования, а в значении личного духовного развития, такого развития, при котором личность, поглощаемая до сих пор в народе и не существующая в нем *сама по себе*, обретает себя вновь, ощущает себя как *единицу* народную, разрешает плен непосредственного бытия (подобно тому, как пускаемый зерном росток пробивает поверхность зерна) и получает возможность постижения мысли народной личным сознанием. Это постижение народной мысли, народного непосредственного творчества, личным сознанием единиц, народ составляющих, есть уже народное самосознание, которое и совершается в *обществе*. Следовательно, только образование, в том значении, как мы его объяснили, полагает начало народному самосознанию, или другими словами: только образование дает бытие обществу. Поэтому-то общество необходимо предполагает известный общий уровень образования, и чем выше уровень, тем сильнее и общество.

Но как определить этот уровень образования? Как обозначить границу, где кончается непосредственность бытия и начинается деятельность народного самосознания в единицах? Как указать ту ступень личного развития, на которой действие личного сознания получает значение народного самосознания? Как определить: когда личная деятельность единиц имеет право назваться *общественною*, когда именно народные единицы являются обществом? (с. 142)

(72)

Без всякого сомнения, на Западе, в течение этого времени, готовились все материалы для будущего здания, все внешние орудия деятельности, расширялся круг познаний, личная мысль не дремала, но она являлась о д и н о к о - личной, не общественной, и резкая, неприязненная разделенность сословий, как мы сказали, еще препятствовала сложиться той *среде*, которая потом явилась как общество, тому простору, в котором бы оно могло действовать (с. 145)

О необходимости личного подвига для преуспевания гражданской жизни

(73)

Но что же делать, если эта истина позабыта, если в конце концов все сводится к ней — к значению личного нравственного подвига человека — и к ней же примыкают все наши внутренние гражданские вопросы? Эту всем известную, но мало в ком плодотворно пребывающую, «ветхую деньми» истину следует оживить новой у жизнью в нашем общественном и личном сознании (с. 234)

(74)

Такие поступки ничем оправданы быть не могут и доказывают только слабость *личной* гражданской нравственности в нашем обществе. Мы имеем привычку жаловаться на правительство, обвинять во всем систему правления, искать корень всякому злу во внешних обстоятельствах, в историческом ходе всего нашего развития. Но историческое оправдание не есть *личное* оправдание; историческое оправдание не упраздняет личной ответственности; так называемая историческая логическая необходимость не устраняет деятельного участия личной воли, и ничто не освобождает человека от обязанности исполнить свой гражданский долг, пока есть хоть малейшая физическая возможность его исполнить (с. 235)

(75)

Повторяем: мы несколько не отрицаем важного значения законов и учреждений, но мы думаем, что сила законов и учреждений зиждется на личной нравственности членов общества, что в конце концов все оказывается зависимым от личного нравственного подвига, от личной деятельности граждан и что русское общество страдает именно недостатком нравственной энергии, личного нравственного развития своих членов (с. 237)

(76)

В самом деле, *личность* у нас слаба и шатка, и ни о чем мы не должны так заботиться, как об укреплении личной воли, о развитии личных характеров, о твердости убеждений или о согласии убеждений с делом, о просвещении нашего нравственного разума, об усовершенствовании личной нравственности. Мы говорим здесь, конечно, не о нравственности в *частной* жизни человека; мы касаемся только нравственных отношений каждого лица к гражданской общественной жизни... Нам могут заметить, что указанный нами недостаток есть наше национальное свойство. Действительно, эта шаткость личной нравственности проявляется у нас не только в дворянском, но и во всех слоях общества без исключения. Силу России составляет бесспорно простой народ. Народ, как мы уже однажды говорили, конечно, состоит из отдельных единиц, имеющих каждая свою личную разумную жизнь, деятельность и свободу, но каждая из них, отдельно взятая, не есть народ, а все вместе составляют они то цельное явление, то новое лицо, которое называется народом и в котором исчезают отдельные личности. Поэтому народ не есть собрание единиц, а живой цельный организм, живущий и действующий самостоятельно и независимо от лиц, составляющих народное множество, — организм, где каждый живет не личным умом, а *народным*, крепко не личным, а народным сознанием (процесс которого совершается иным путем и порядком, нежели в отдельном человеке), где самая нравственность определяется скорее обычаями, бытом, нежели личным убеждением единиц. Но как

скоро кто отрывается от народа и начинает жить личным умом, личным сознанием, как скоро кто не состоит уже под законом непосредственного быта и не поглощается в народе, а между тем жизнь, питание и сила, получаемые им из народа, постепенно слабеют, то уже необходима ему поддержка *личного* просвещения и *личной* нравственности; при низком же развитии того и другого, он не выдерживает искушений и падает. Мы видим это ежедневно на всех крестьянах, вышедших из своей среды; удивляясь нравственному смыслу и духу *народа*, как народа, — мы должны сознаться, что отдельная единица того же народа, перестав быть живою частью народного организма и явившись как *личность*, нередко, точно также, удивляет нас своею личною слабостью и неблагонадежностью. Покойный Хомяков говаривал в шутку, что русские люди могут идти в рай только деревнями, общинами. Это шутка, но в основании ее лежит много серьезной правды. Поэтому так и нужно нам нравственное развитие и укрепление личности. Здесь поневоле напрашивается рассуждение о значении личности вообще и о сравнении западного начала индивидуализма с нашим общинным началом, но мы избегнем этого громадного вопроса и скажем только, что дело идет не о том злом начале личности, которое разумеется в западном понятии об индивидуализме и которое в сущности есть поглощение общего — личным и возведение эгоизма в принцип, но о высоком начале личности христианской. Это высокое начало, призывая к внутренней духовной свободе каждую личность, поставив ее в личное отношение к Богу, дав каждой личный нравственный подвиг, поглощает, напротив того, личный эгоизм, все злое, присущее личности — началом любви и посвящает ее на служение братьям-людям. Нет сомнения, что это начало живет в нашем народе, но живет на степени непосредственного чувства, или вернее сказать, живет в общем народном сознании и недостаточно сильно в личном сознании единиц (с. 237–238)

(77)

Между тем нравственное развитие личности в христианском смысле в народных единицах вовсе не значит выделение этих единиц из народа, вовсе не исключает их из жизни народного организма, и не только не должно расстраивать его цельности, его духовных органических отправления, но, напротив, может только лишь усилить и возвысить их общий нравственный строй. Теперь, когда после внутренних потрясений, испытанных нашим народным бытом, непосредственная сила его, жившая в единицах, несколько ослабела и замешалась, необходимо более чем когда-либо воспитание и утверждение *личного* христианского начала в народе. И мы убеждены, что *христианское просвещение*, коснувшись народных единиц, может укрепить *личную* нравственность в народе, не нарушив нисколько начала общинного и цельности народного организма. Тем более необходимо такое нравственное развитие и укрепление личности нашему обществу.

Как бы то ни было, но Россия представляет именно это явление: при крепости и нравственной высоте простонародного общинного быта, *личность* отдельных единиц, отрешающихся от этого быта народных масс, оказывается слабою и шаткою, с одной стороны, не способная избрать путь эгоистического индивидуального развития, как на Западе (что должно быть поставлено ей в заслугу); с другой — не имея сил подняться на ту высоту, на которой она может развиваться как христианская личность. Без всякого сомнения, развитие христианской личности несравненно труднее индивидуального эгоистического усовершенствования и требует от нас несравненно больших усилий (с. 238–239).

(78)

Нам следует прежде всего стараться о воспитании, просвещении и укреплении в каждом из нас христианской *личности*, о развитии в себе *честности*, вместо условного и плохо к нам прививающегося понятия *чести*. Нам следует и никто, никакое правительство, никакие обстоятельства, кроме нас самих, нам в том не помогут — нам следует произвести собственными усилиями реакцию нашей общественной нравственности чрез подъем нашего личного духа, обратиться со строгими требованиями к себе самим. Мы должны проникнуться убеждением, что судьба нашего дорогого отечества зависит от личного нравственного подвига каждого из нас и что никакое внешнее могущество не прочно и не спасет Россию при мертвенности нашего *личного* духа, при слабости

нашей *личной* гражданской нравственности, при отсутствии в нас деятельной, движущей нравственной личной воли! (с. 239)

(79)

Личное влияние способно пожинать у нас богатую жатву, а твердое, честное убеждение всегда оказывает влияние на окружающих, кто бы они ни были. Стоит только хотеть и дерзать, горячо любить и горячо желать, неутомимо идти, неослабно стремиться к цели, и если вы не вполне ее достигнете, то все же достигнете многого, чего, казалось бы, судя по внешним условиям, не было никакой возможности достигнуть!.. Да, крепость убеждения способна подчинить себе властью чисто нравственной могущество внешнее; личный характер смиряет пред собою владык мира, сила личного духа побеждает и движет народы (с. 240)

Где органическая сила России?

(80)

Иной еврей *лично* может быть несравненно нравственнее и милосерднее иного христианина, и иной христианин может быть несравненно хуже всякого язычника. Что же из этого следует? Следует только то, что и еврей, и христианин не строго последовательны в своих религиозных верованиях, что еврей уклонился от еврейских предрассудков, а христианин забыл о своем христианском призвании. Но на таком неверном и случайном отношении к своему знамени, к своему явному и гласному исповеданию веры и нравственного закона, невозможно строить ни законов гражданских, ни логических выводов о достоинстве того или другого принципа (с. 258).

Идеалы «Дня» по «Современной летописи»

(81)

Ораторствуя о правах личности, не они ли постоянно посягали на личность народную? Кто посильно стоял за народность, за права жизни, за самостоятельность народного развития, следовательно, за права и свободу народной личности, за органический принцип против бюрократического механизма? Кто, как не так называемые славянофилы! Кто стоял на противоположной стороне? Кто, как не они — поклонники Петровского переворота и великолепных памятников законодательства Екатерины, либералы то ж, по иноземному образцу! (с. 299).

В чем наше историческое назначение?

(82)

Вот мы и приходим к тем основным русским положениям, которые были уже не раз высказываемы в «Руси»: народу, Земле принадлежит — *мнение*, и только мнение, — разумеется, вполне свободно высказываемое; верховное же решение — единой личной верховной воле. Никакой иной принудительной, гарантирующей силы, кроме нравственной, мнение не должно и не может иметь, — да впрочем эта нравственная сила представляется едва ли не действительнее всякой внешней, формальной гарантии, всегда удобообходимой, как мы это беспрестанно и видим, хоть бы в Германии... А ответственность власти? — спросят нас. Но какую же ответственность несет перед страной за решения неправые, за решения унижительные для страны — *без личный* конституционный правительственный снаряд, с верховным самодержавным решением большинства голосов в депутатских палатах на Западе? А личная верховная власть несет ответственность, и ответственность тяжкую, хотя бы только чисто нравственную, — ответственность пред Богом, пред совестью, пред историей, пред страной, высказавшею прямо и свободно свою чистосердечную мысль... (с. 357).

О ношении народной одежды

(83)

Надеть русское платье значило — независимо от народного значения одежды — заявить свое право одеваться по своему вкусу и усмотрению: это был акт личной свободы, — и в то же время эмансипации от гнетущих оков, наложенных на наше развитие рабскою подражательностью самого русского общества — так деспотически, вещественно и духовно полицействовавшему у нас Западу!.. (с. 386)

Превратные понятия нашего общества об обязанностях государственной власти

(84)

Опять такой же призыв государственного вмешательства всюду! Опять отсутствие личной предприимчивости и начинания, опять незаконное требование, чтобы все совершалось через правительство, правительством и для правительства! (с. 397)

(85)

Очень немного найдется у нас примеров такой высокой личной духовной предприимчивости. Напротив того: у нас тотчас же поднялись споры и толки о материальных условиях, об унижительности и неудобствах поступать в учителя-причетники (как предлагалось проектом г. Беляева) и т. п. Отчего все это происходит? Разумеется, кроме некоторых внешних причин, главным образом — от недостатка внутренних живых побуждений, от отсутствия святого, всепобеждающего двигателя в душе, не справляющегося с удобствами и неудобствами, — как не справлялись с ними, например, английские миссионеры, проникшие недавно с христианскою проповедью в самую глубь Африки и на острова к людоедам! (с. 400)

(86)

Мы очень хорошо знаем, что такое странное положение дел может быть объяснено ходом нашей истории и всеми обстоятельствами нашего развития. Изложение этих исторических причин было бы чрезвычайно интересно, и не один раз найдет себе место в нашей газете, но надобно признаться, что мы уже слишком часто и бесцеремонно сваливаем наши личные грехи на историю, и прячемся с своею собственною апатией, за историческое оправдание (с.401)

Об отсутствии духовного содержания в американской народности

(87)

В самом деле, в противоположность однородным органическим политическим телам Европы, сложившимся в известные государственные формы, явилось в другом полушарии — государство не государство, а какая-то «юная», «могучая» держава, без всяких старообразных государственных форм, без политических преданий, без централизации, без двора, почти без правительства, без религии, без народности — в том смысле, как обыкновенно понимается это последнее слово; разнороднейший и разнообразнейший сброд, сложившийся, на основании взаимного договора, в гражданское общество, чуждое всех известных доселе законов гражданской и социальной формации, всех европейских сословных общественных наслоений, и поставившее себе знаменем: неограниченную свободу личности! Кто не сочувствовал этому знамени и каким пышным цветом, казалось, взошли в Америке семена личной свободы! С отрадою останавливался на ней взор утесненной и угнетенной личности в старой душной Европе... Но видно не одна внешняя свобода нужна человеку, или, вернее сказать, самая свобода создается не на одной контрактной основе! Свободные граждане сами, добровольно, уже три года сряду, вооружившись всеми доспехами деспотических государств, упрямо теснят, терзают, режут друг друга. Принцип личной свободы, лишенный нравственного содержания, оказался

поставленным из чисто материальных побуждений, обратился лишь в средство к достижению личного материального благосостояния... (с. 432 – 433).

(88)

Какой же главный нравственный мотив соединения Американских Штатов? Какая нравственная идея связала этих людей между собою? Где задача, где идеал этого нового общества? К какому будущему стремится оно, не имея прошедшего? В чем его душа, куда направлен ее дух? Душа? Дух? Отдельные единицы, конечно, имеют и душу и веру, нигде нет такого разнообразия личных верований, но взятые все вместе, как Америка, они не имеют религии: их вера, их душа вся в материальных интересах, для которых личная свобода есть только средство. Вся деятельность духа устремлена только в одну сторону — к материальному благосостоянию.... (с. 433).

(89)

Невольно задаешься вопросом: где же то нравственное целое, во имя которого собираются вместе люди, где то общее, которому служат личности, которое поглощает в себе личный эгоизм? В других странах это целое может быть государство, как живой организм с прошедшим, настоящим и будущим: это общее может быть религия, цивилизация, единоплеменность, однородность физическая и духовная, единство нравственного закона, народная индивидуальность. Ничего подобного нет в Америке. Свобода личности? Но для чего же именно нужна эта свобода? Чему она должна послужить, чего хочет достигнуть человек при этой свободе? Если нет высшей нравственной цели, то она перерождается в личный произвол, в простор личного эгоизма. Оно так и есть: простор личному эгоизму, материальное благосостояние, материальные мотивы жизни — вот настоящее знамя союза, вот двигатель жизни! Конечно, эти мотивы, являясь как знамя, как соединительный принцип, в свою очередь являются тем общим, которое поглощает в себе разнузданный эгоизм личностей: без этого некоторого поглощения общество не просуществовало бы и одного часу, и разнузданность личного эгоизма представила бы ужасное зрелище. «Help yourself Помогай сам себе!» — кричат эгоистически американцы — и гибнут тысячами, проваливаясь сквозь мост, дерзко перекинутый через пропасть, и тысячи снова кидаются в новое отважное предприятие, от которого дух захватывает у европейца. (с. 434).

(90)

В Америке, как мы сказали, есть множество личных верований, но нет одного общего, входящего как просветительное историческое начало в образование народности. Потребность религии при отсутствии религии, при отсутствии религиозного элемента в американской народности, должна была на почве этой народности, на почве материальных стремлений и разнузданной личности, сдерживаемой только расчетами материальных выгод, породить религию вроде мормонской, где к спасению человеческого приложены теории математических выкладок и механического удешевленного и упрощенного производства. (с. 435)

(91)

Формулой этого нового устройства явилось «самоуправление», selfgovernment, но совсем не в том смысле, в каком понимается это слово у нас. Американское самоуправление есть такой принцип общественного устройства, при котором каждая единица есть живое воплощение идеи государственной относительно себя самого, или, выражаясь словами одного писателя, каждый обращается в квартального надзирателя над самим собою, в чиновника относительно себя самого, своей собственной личности. И именно потому, что нигде так не эмансипировалась внешним образом личность, как в Северной Америке, и должна была там возникнуть идея личного самоуправления, как самообуздания и самосохранения личности. Но где регулятор этого личного самоуправления, чем и во имя чего будет обуздываема эта личность? Во имя гражданского договора, во имя той внешней правды или пользы, которую признала вся

эта совокупность личных единиц для себя обязательною? Но если этот агломерат людей — не связанных между собою ни единоплеменностью, ни единоверием, ни единством органического исторического развития, ни духовными, ни физиологическими узами — не имеет для союза никакого другого цемента, кроме внешнего, кроме материального расчета если самообуздание личности является не как нравственное самоограничение, предписываемое совестью, а как выгодная сделка ничем другим не соединенных личностей, — то какое же это шаткое основание в борьбе с личными страстями человека, какой же это ненадежный оплот против эгоизма, признанного как принцип!! И действительно мы видим, что личное самоуправление перешло в Америке в личное, нередко дикое, самоуправство, — и произвол власти правительственной, которого примеры являет Европа, переродился в Америке в произвол личный каждого лица (с. 437)

(92)

Если оно существовало до сих пор с такою силою и могуществом, то этому причиною было именно то, что оно переживало до сих пор процесс осуществления этой новой идеи, достигало возможного крайнего фазиса своего развития, — наконец, главною причиною сравнительной сдержанности, проявляемой до сих пор этими эмансипированными личными эгоизмами — служило увлечение материальною выгодною, общее стремление к одной материальной цели, поглотившее на время всякие заботы политические, всякие государственные вождения, похоти и инстинкты (с. 437)

(93)

.... здесь дело правительства есть мое, личное дело каждого: нет убежища личной совести даже и в душе человека: у него совесть правительственная, он сам весь правительство. Поэтому-то и совершается эта война в размерах до сих пор небывалых и с свирепостью личною, небывалою. Ожесточенность государственного самолюбия принята в душу каждым отдельным гражданином (с. 440).

Где и что болит у нас?

(94)

Эти доктрины у русских радикалов прививаются скорее к ощущению, чем к мысли, скорее дело вкуса, чем искреннего, глубокого убеждения. «Убеждением» *обзаваются* после — вследствие страстной потребности человеческой природы (как бы кто ни мнил себя быть материалистом или позитивистом!) искать смысл личного бытия и оправдание личных действий не в себе, а вне себя и *выше* себя — в какой-либо бесплотной *идее*, хотя бы иногда ложной и вздорной... (с. 508)

Застой у нас происходит оттого, что решали исторический вопрос, не вооружась историческим сознанием

(95)

Не менее было бы ошибочно — вину за «нервное состояние» валить на одно общество, не распознать под маскарадною, надетою им на себя, отчасти шутовскою *личиною* — самого *лица* и под *фальшью* выдвигаемых требований — некоторой *правды* исторического инстинкта, правды, самим обществом еще не сознанной или совершенно искажаемой ее ложными формулами (с. 524).

Исторический ход дворянского учреждения в России

(96)

Земля жила обычаем, под законом общинного быта и общинного поземельного владения; служилые люди не составляли общины, не знали общинного быта и общинного владения: деятельность их была *личная*, равно как и отношение к власти; землю получали они от государя, *за службу и вместо жалованья*, в личное пользование и владение, в пожизненное или потомственное, в поместье или вотчину (с.620).

(97)

В земстве, мы видим, или скоро увидим, два начала, две бытовые стихии: начало общины и начало личности, начало общинного поземельного владения и начало личного поземельного владения общинников-крестьян и личных землевладельцев, большинство которых едва ли не исключительно составляют теперешние дворяне. Других делений нам не предвидится (с. 624).

Речь о Ю.Ф. Самарине

(Сказана в заседании Славянского комитета 18 апреля 1876 г.)

(98)

В них троих, Хомякове, Константине Аксакове и Самарине, явилось, сложилось и завершилось славянофильство — как личное дело, как отдельный стан в литературе и обществе, как особый период в нашей народной жизни, указавший и выработавший основы дальнейшего развития русской мысли (с.702).

Из речи о Федоре Васильевиче Чижеве

(Произнесена в Славянском комитете 18 декабря 1877 г.)

(99)

Только то дело и было, властно привлечь его к себе, за которым он мог признать какое-либо гражданское, общепольное значение и которое тем самым, в его глазах, стояло выше одинокой личности человека; только общественное дело становилось ему своим, личным; только в успехе такого дела, созданном его личными трудами, обретал он себе личное удовлетворение и, как он выражался, самый дорогой эгоистический интерес (с.704–705)

Цивилизация и христианский идеал

(100)

Такие ли, которых причина — нравственный «аффект», вследствие личной мести, гнева, раздражения, — или же корыстные побуждения? Ничуть не бывало. Эти преступления *не* случайные, а возведенные в целую систему; *не* индивидуальные, а общие, то есть замысленные целыми общественными группами, и хотя, конечно, приводимые в исполнение отдельными *лицами*, но *не* под влиянием личного нравственного «аффекта», *не* вследствие личных отношений преступников к жертвам преступного действия, *не* из личной мести, гнева или корысти, а вследствие какого-то отвлеченного принципа и в силу общепринятого обдуманного решения (с. 774).

(101)

Признавая законность и право только одних *побуждений*, разнуздывая свою личность и низводя ее ниже чем на степень животного (ибо животное все же обуздано в своей свободе пределами природного инстинкта), он неминуемо, логически, впадает в грубое, чудовищное противоречие с теми самыми началами, которые гордо выставляет на своем революционном

знамени! Так как всем этим началам недостает освящения в *высшем* нравственном непреложном начале, — того освящения, которое было бы признано личным чувством и самою совестью человеческой, то в окончательном результате и выходит *безнравственность*, и «вместо равенства — попрание святейших прав человеческой личности, вместо справедливости — злая неправда». Одним словом — говорилось в нашей статье — отрицание веры в обязательный, сверхчеловеческий, божественный нравственный закон, в конце концов, делает тщетною и науку, и культуру, и цивилизацию в смысле общечеловеческого благоустройства и, напротив того, приводит всякое общество, как бы оно, по-видимому, цивилизованно ни было, к разврату, одичанию и гибели (с. 775).

(102)

Нравственный христианский идеал сам по себе не подлежит «развитию», и достижение его доступно каждому человеку *лично*, в меру сил человеческой греховной природы. Но иное дело — *общежитие человеческое*. Здесь есть полное место *развитию*, то есть процессу постепенного видоизменения самого общественного строя *согласно с требованиями христианской истины*, — постепенного перерождения форм и условий нашей общественной жизни *под воздействием* начал, данных миру Божественным Откровением (с.784)

Мы молоды, еще очень молоды

(103)

Ввиду той пассивной *повальности*, о которой мы говорили выше, желательно было бы содействовать воспитанию в русском обществе *личного деятельного начала*, личного почина, и не пренебрегать поэтому тою формою личной деятельности, которую сама история уготовила нам в *личном землевладении*, а всячески поощрять и развивать ее. Сопоставление нашей *парниковой* интеллигенции лицом к лицу с жизнью самой земли, привлечение образованных личных землевладельцев к пребыванию в деревне, это сожительство образованных людей с селом, с народом не замедлит оплодотворить и интеллигенцию, и самый народ новою, живительною силою (с. 795)

Ответ на рукописную статью «Христианство и прогресс», присланную в редакцию газеты «Русь»

(104)

Другими словами: подвиг совершенствования, внутреннего освящения, душеспасения *открыт лично* каждому, независимо ни от каких внешних условий, во все века, всюду, рабу и свободному, ученому и невежде, умному и нищему умом, бедному и имущему. В то же время, параллельно с этою открытою каждому *лично* возможностью совершенствования и спасения, совершается воздействие христианской истины на историческую судьбу и бытовое развитие всего человечества, медленный процесс брожения, перерождения, переобразования на дрожжах, брошенных в мир Христом. Благодать Божия творит такое равенство, до которого пресловутый «прогресс» в самых дерзких своих усилиях не мог достигнуть даже мечтою: личное равенство всех верующих и исполняющих заповедь Христову — от первого до последнего века при неравенстве исторических условий общественного бытия, с его прогрессом и цивилизацией. Таким образом — христианство проявляется на земле *двумя* путями; эти пути: личный, *индивидуальный* и *общемировой, исторический* (с. 804-805)

(105)

Но внутреннее бытие церкви не прекращается и поныне, Евангелие проповедуется, тайная вечеря совершается, и путь к личному совершенствованию и спасению открыт каждому *невозбранно* (с. 805)

(106)

Не стесняйте же свободу человеческого духа в искренних проявлениях любви и веры, в меру личного разумения каждого, — не ограничивайте его узкою внешнею практическою меркой, не забывайте, что христианство, что слово Божие, возвещенное Христом, не какая-либо социальная доктрина, пересоздающая мир *независимо от личной воли человека*, а сила, действующая в истории человечества — именно *через каждого человека в отдельности*, воспитывая в *каждом* историческом человеке, то есть принадлежащем месту и своему веку, — *внутреннего человека*. Поэтому — прямая задача церкви вовсе не есть задача практического социального переустройства в данную минуту и, так сказать, практическое общественное воплощение на земле в конечных явлениях абсолютной, бесконечной истины (с. 807).

(107)

Повторяю вам опять: надо постоянно помнить, что каждый человек принадлежит и вечности, и в то же время и своему веку; что рядом с путем личного духовного освящения и спасения, открытым каждому человеку отдельно, совершается мировой процесс брожения и перерождения мира на дрожжах, брошенных в мир Христом. Благодать Божия открыла нам всем возможность освободиться от рабства месту и времени, упразднить зависимость нашего духа от племенной ограниченности, от данной исторической поры, но только лично каждому в сфере отношений нашей души к Богу, даже не в сфере мысли, логического разумения и знания. Вне отношений личных к Богу, человек всеми своими сторонами духа находится в зависимости от условий конечного своего бытия (с. 808).

(108)

Это главная миссия церкви: хранение догмы и проповедь Евангелия, призыв индивидуумов к подвигу личного совершенствования и спасения (с. 809).

(109)

Сочинители разных социальных доктрин и ожесточенные критики христианства забывают, что христианство прежде всего требует *личного* совершенствования, *личной* святости (с. 810).

<Самодержавие не есть религиозная истина>

(110)

Самодержавие — такая политическая форма, где во главе управления государством стоит одно *лицо* (живое человеческое лицо — человек); где единый личный разум и единая личная воля верховные решители всех вопросов внешней и внутренней *политики*. Действие самодержавия простирается только на *государство*: вот его область. Но что лежит вне этой области (в нравственном смысле), лежит вне круга самодержавия. Если самодержавие преступает эти пределы, вторгаясь в сферу церковную и частную, вторгаясь в область личной совести и личной свободы человека, то оно переходит в уродство, становится узурпацией, тиранией (с. 898).

(111)

Допускается *единая* личная воля, а не сотни личных произволов, не система произвола всем управлением государства. <Но> как живое мнение о солидарности лица императора с последним из чиновников (с. 900).

Ю.Ф. Самарин

*Ю.Ф. Самарин. Избранные произведения / Составление, вступительная статья
Н.И. Цимбаева. — М.: РОССПЭН, 1996*

Стефан Яворский и Феофан Прокопович. Рассуждение, написанное на степень магистра философского факультета первого отделения

(112)

Но Римско-церковная мысль лежала тяжелым игом на племенах германских. В их народном духе заключалось совершенно противоположное этой мысли стремление каждого лица к единичному развитию. Это стремление в сфере государства выразилось феодализмом, в сфере религии протестом свободно развивающегося лица против церковно-государственной власти (с. 20).

(113)

Итак, в католицизме предстает нам идея единства, но эта идея, понятая отвлеченно и заключенная в символ, не проникает христианского человечества. Напротив того, в протестантизме являются отдельные, частные лица, с живым религиозным стремлением, но не способные вознестись до общего и потому разобщенные между собой (с.20).

(114)

Дух Божий постоянно живет в Церкви, то есть в живой совокупности ее членов, а не в одном из них в особенности. Поэтому Он живет в каждом частном лице, поелику это лицо есть член церкви. Отсюда рождается для каждого обязанность блюсти в себе свое определение как члена церкви. В католицизме эта обязанность выполняется внешним юридическим актом признания папы, хотя бы даже это признание было вынуждено насильно. Православная церковь взыскательнее: она признает только того членом Церкви, кто исповедует ее внутренне, пребывает с нею в союзе веры и любви. Очевидно, чем выше требование, тем выше становится лицо.

Итак, удерживается в Церкви значение каждого лица и не разрывается единство. Это примирение двух начал, по-видимому противоположных, эта живая полнота, есть исключительная принадлежность церкви православной (с. 20-21).

(115)

И вот почему проповедь должна быть словом от лица к лицу, должна быть проникнута личным характером, тем, что так сильно и непосредственно действует на лица; вот почему главное, существенное условие проповеди есть *личность проповедника*.

Элемент личности должен быть в духе самой проповеди, в слове, в произношении, в голосе, в движениях; но не должна личность проповедника выступать из проповеди и становиться в глазах слушателей резко объективной. Это был бы величайший порок, диаметрально противоположный нашему требованию. Личность проповедника не должна иметь самостоятельного значения по себе; все должно быть ею растворено и проникнуто; она сама, как личность, не должна быть нигде. Личность есть та прозрачная среда, сквозь которую проходят лучи вечной истины, согревая и освещая человечество. Когда внимание предстоящих останавливается на проповеднике, как на лице, и им поглощается, когда проповедник перед ними объективируется, значит, элемент личности лежит не в самой проповеди, не в слове, а вне его (с. 303).

(116)

Проповедь разрешается в молитву. В последнем случае, проповедник, совершив свое дело, слагает с себя характер посредника и мысленно вступает в толпу своих слушателей; личность его исчезает в живом единстве всеми овладевающего чувства (с. 304).

(117)

Здесь уже (в проповеди протестантской – А.И.) личность проповедника кладет отпечаток не только на проповедь, как таковую, но даже обуславливает самое содержание и переходит в произвол (с. 310).

Речь, произнесенная пред защитением диссертации на степень магистра в публичном собрании Императорского Моск. Университета, 3 июня 1844 года

(118)

Итак, совокупность верующих, христианское человечество, которое, при взгляд на него извне, представляется множеством разъединенных лиц, возводится на степень живого, органического целого. Множество становится единством. И это не внешнее единство, условленное подчинением каждого лица внешнему закону необходимости, даже не единство стремлений, а внутреннее осуществленное благодатной жизни. Каждое отдельно взятое лицо принадлежит церкви, получает определение члена, когда, поработив свою личность, перестав служить себе и жить для одного себя оно становится живым сосудом благодати, одушевляющей целое. Этим определением церкви охраняются две крайности, два ложных ее понимания. Дух Божий живет и совокупности христианского человечества, следовательно, не в одном каком-либо избранном лице и не в каждом лице, взятом отдельно в разобщении с целым (с. 398).

(119)

Идея отвлеченного единства может быть удержана только посредством символа. Живой символ единства — единое лицо, папа. Папа представляет собою символ Церкви. Дух Божий прикован к кафедре св. Петра и в равной степени полноты передается его наместникам. Такая привилегия, данная лицу, такое освобождение его от собственного произвола и от законов, тяготеющих на других, разобщило его с остальным человечеством. Ничем не наполненная бездна открылась между папою, представлявшим собою церковь, и совокупностью частных лиц. В строгом смысле они получили значение не членов церкви, а подданных ее; место отведено им не в ней, а под нею.

Нарушение живого отношения церкви к членам само собою заменилось другим. В области теории отношение лиц к церкви стало отношением познающих к познаваемому; в области практической — отношением подданных к государственной власти. Вместо царства веры и любви, явилось царство знания и права.

Разумные требования личности, не признанные католицизмом, подали за себя голос. Против односторонне понятой идеи единства восстала столь же односторонне понятая идея множества. Первая односторонность вызвала вторую. В католицизме символ церкви разлучал человека с Божеством. . . Сильно восчувствованная потребность соединения положила начало реформации. Протестанты оторвались от западной церкви, отрицали ее; вместе с нею они отрицали идею объективной церкви вообще. Требование непосредственного примирения всякой изолированной личности с Богом привело к полному разобщению лиц. Дух Божий живет в каждом отдельно взятом лице; следовательно, каждое лицо само себе церковь (с. 399-400).

(120)

Совершив свой подвиг разрушения, сокрушив Римскую церковь, протестантизм развязал личный произвол и распался на множество сект, бессильный заменить разрушенное.

Теперь, я думаю, должно быть понятно определение католицизма и протестантизма в их отношении к церкви, которое выставлено в моей диссертации. Католицизм и протестантизм представляют две разорванные и в их отвлеченности удержанные стороны церкви. Ни в том, ни в другом, ни в обоих вместе формально соединенных, мы не видим осуществления идеи церкви как полного и живого организма.

Мы определили вероисповедания западные как отклонения от церкви православной; но мы только определили их, а не вывели из исторических условий всего западного развития. Такое изучение могло бы представить много интересного. Если бы время мне позволяло, я постарался бы провести ту мысль, что все развитие западное условлено встречею и вечною борьбою двух односторонних начал: идеи отвлеченно общего и идеи отвлеченной личности, субстанции римской и субстанции германской, что все органически живое, подпадая под разлагающее действие этих двух враждебных сил, дробилось на два полюса, из которых один доставался в удел ми-

ру римскому, а другой миру германскому. Это явление повторяется во всех сферах. В области религии оно выразилось антагонизмом двух вероисповеданий. В представлении римском христианство отразилось католицизмом, в представлении германском — протестантизмом. Немного нужно проницательности, чтобы связать эти два явления с другими однородными. Идея всемирного государства ясно воскресает в идее католицизма; юридическое отношение лица к власти — в отношении члена церкви к папе, и процессе внешнего оправдания. Точно так же понятно, что протестантизм есть религиозный феодализм; что рыцарь и протестант один человек в двух разных сферах (с. 400).

О мнениях «Современника», исторических и литературных

(121)

«Так возникла впервые в христианстве мысль о бесконечном, безусловном достоинстве человека и человеческой личности. Человек—живой сосуд духовного мира и его святыни; если не в действительности, то в возможности, он представитель Бога на земле, возлюбленный сын Божий на земле... Из определяемого человек стал определяющим, из раба природы и обстоятельств — господином их. Христианское начало безусловного достоинства человека и личности, вместе с христианством, рано или поздно, должно было перейти в мир гражданский. Оттого признание этого достоинства, возможное нравственное и умственное развитие человека сделалось лозунгами всей новой истории, главными точками или центрами, около которых она вертится»...

Нет, этого недостаточно! Ваше определение не только не исчерпывает сущности христианства, даже не исчерпывает его участия как исторического агента и прошедших судьбах человечества. Из слов ваших выходит, что главное, если не единственное, историческое назначение его заключалось в том, чтобы личность, некогда подавленную природой, отрешить от нее и затем, пустить на волю, с правом самопроизвольно, из себя самой, определять себя. Но это только отрицательная сторона христианства, та сторона, которою оно обращена к язычеству и юдаизму; следовательно, не все христианство. Вы забыли его положительную сторону; забыли, что прежде рабство оно заменяет не отвлеченною возможностью иного состояния, но действительными обязанностями, новым игом и благим бременем, которые налагаются на человека самым актом его освобождения.

«Из определяемого человек стал определяющим», — сказали вы; следовало бы дополнить: и вместе с тем, определенным. «Христианство внесло в историю идею о бесконечном, безусловном достоинстве человека, — говорите вы, — человека, отрекающегося от своей личности, прибавляем мы, — и подчиняющего себя безусловно *целому*. Это самоотречение каждого в пользу всех есть начало свободного, но вместе с тем безусловно обязательного союза людей между собою. Этот союз, эта община, освященная вечным присутствием Св. Духа, есть Церковь (416-417).

(122)

Скажите, однако: неужели в самом деле германцы исчерпали все содержание христианства? Неужели они были единственными деятелями в истории Запада? Неужели все явления ее представляют только моменты развития одного начала — личности? Ведь это противно самым простым, элементарным понятиям, почерпанным из всей исторической литературы французской и немецкой (с. 419).

(123)

Германское начало, идея личности, создала целый ряд однородных явлений: в сфере государства — различные виды искусственной ассоциации, коей теория изложена в «*Contrat Social*» Руссо; в сфере религии — протестантизм; в сфере искусства — романтизм. В тех же сферах развились из римского начала совершенно противоположные явления: идея отвлеченной, верховной власти, формулированная Макиавелем, католицизм и классицизм (с. 419).

(124)

Так как вопросы только что заданы, а не разрешены, то, оставляя в стороне положительные теории или, лучше, несбыточные мечтания, обратим внимание на отрицательную сторону, на вопросы, сомнения и требования, еще не созревшие. Вслушиваясь в них, нельзя не признать их внутреннего согласия. На разных тонах повторяется одна тема: скорбное признание несостоятельности человеческой личности и бессилия так называемого индивидуализма. Что значат эти упреки современному обществу в эгоизме и личной корысти? Они обратились теперь в общие места; но в искренности основного чувства нельзя сомневаться. Почему, вскоре после Июльской революции, охладели к политическим вопросам, и прежняя строптивость и недоверчивость к верховной власти перешла в потребность какого-то крепкого, самостоятельного начала, собирающего личности? Отчего эта потребность так сильно высказалась в социальных школах, вышедших из революции и ей обязанных своим существованием? Почему терминология революции: свобода, личность, равенство, вытеснена словами: общение, братство и другими, заимствованными из семейного или общинного быта? В области изящной литературы совершаются также любопытные явления; укажем на один пример: Жорж Занд, которую, конечно, не назовут писателем, отсталым от века, истощив в прежних своих произведениях все виды страсти, все образы личности, протестующей против общества, в «Консуэло», «Жанне», в «Cot-ragnon du tour de France», изображает красоту и спокойное могущество самопожертвования и самообладания; а в «Чертовой Луже» она пленяется мирною простотою семейного быта. Автор статьи «о юридическом быте древней России» должен видеть в этом отступление от нормального развития. (с. 420).

(125)

Что касается до нас, то, признаемся, мы никак не можем понять того логического процесса, посредством которого из германского начала, предоставленного самому себе, из одной идеи личности, может возникать иное общество, кроме искусственной, условной ассоциации? Каким образом начало разобщающее обратится в противоположное начало примирения и единения? Каким образом, говоря словами автора, понятие о личности перейдет в понятие о человеке? Само собою разумеется, что последнее принимается в смысле абсолютной нормы, обязательного закона, а не отвлеченного родового понятия, заключающего в своей широкой и равнодушной среде все возможные проявления личности (с. 422).

(126)

Исчерпать все явления личности, согласитесь сами, так же трудно, как перебрать по пальцам все числа. Если вы скажете, что можно дойти до утомления, до сознания практической пользы и даже необходимости ограничить разгул личности, то мы заметим вам, что такого рода сознание, как результат самых разнородных и все-таки личных потребностей, не выведет из круга развития личности. Например: бедняк почувствует необходимость взять у богатого кусок хлеба, чтобы не умереть с голоду; положим даже, что богатый почувствует со своей стороны необходимость уступить что-либо бедному, чтобы не довести последнего до отчаяния и не потерять всего; положим, что они сойдутся и с общего согласия постановят какой бы то ни было порядок. Этот порядок, для того и (422) для другого, будет отнюдь не абсолютным человеческим законом, а только удобным и вернейшим средством к достижению личного благосостояния. Представится другое средство, они за него ухватятся и будут правы; ибо, уступая внешней необходимости, личность ограничивала себя *в пользу себя самой*. До идеи *человека* мы все-таки не дошли и не дойдем. Итак, на личности, ставящей себя безусловно мерилom всего (это слова автора), может основаться только искусственная ассоциация, уже осужденная историей; но абсолютной нормы, закона, безусловно обязательного для всех и каждого, из личности путем логики вывести нельзя; следовательно, не выведет его и история. Наконец, откуда бы он ни пришел, в какой бы форме и под каким бы названием ни явился, вы должны сознаться, что перед ним личность утратит свое абсолютное значение: другая власть, от нее не зависящая, не ею созданная, воцарится над личностью и ограничит ее. Мерило личности будет уже не в ней самой, а вне ее; оно получит объективное, самостоятельное

значение; в совпадении с ним личность найдет свое оправдание, в отступлении от него — свое осуждение (422-423).

(127)

Вы скажете, что это мерило не должно быть навязано, что личность, признавая в нем свой собственный идеал и подчиняясь ему, совершит акт свободы, а не рабства; так, — и следовательно, личности предстоит одно назначение: познать свою родовую норму, свой закон. Но для того, чтобы познать его, она должна признавать его существующим. Ей должно быть всегда присуще, хотя темное, сознание и закона, и своего несовершенства, своей неправоты перед ним; а это сознание несовместно с чувством неограниченного полновластия личности и ее значения как мерил для всего. Автор не нашел его в природе германцев.

Итак, должно различать личность *с характером исключительности, ставящей себя мериллом всего*, из себя самой создающую свои определения, и личность *как орган сознания*. Эти два вида автор беспрестанно смешивает; в одном только месте он различает их. Его необходимо выписать: «Личность, сознающая, сама по себе, свое бесконечное, безусловное достоинство — есть необходимое условие всякого духовного развития народа. Этим мы совсем не хотим сказать, что она непременно должна ставить себя в противоположность с другими личностями, враждовать с ними. Мы, напротив, думаем, что *последняя цель развития* — их глубокое внутреннее примирение. Но, во всяком случае, каковы бы ни были ее отношения, она *непременно должна существовать и сознавать себя*». Автор различил историческое проявление личности враждующей от ее абсолютного значения, как сознающей себя; но тою же фразой он связал оба вида неразрывно, признав первый необходимым условием, как бы приготовлением ко второму. Примирение личностей есть последняя цель; путь к ней — вражда; личность непременно должна сознавать себя; сознание приобретает отрицанием, не логическим, разумеется, а полным практическим отречением от всех определяющих ее отношений.

Чтобы не упрекнули нас в искажении мысли автора, мы выведем ее другим путем, из его же статьи. Личность, видели мы, должна сознавать себя; без сознания нет личности, без личности нет сознания. «Начало личности у славян не существовало», — (эта фраза повторяется на каждой странице) следовательно, не существовало и сознания. Почему? — «Спокойные и миролюбивые, они (т.е. славяне) жили постоянно на своих местах. Семейственный быт и отношения не могли воспитать в русском славянине чувства osobности, сосредоточенности, которое заставляет человека проводить резкую черту между собою и другими и всегда и во всем отличать себя от других. Такое чувство рождает в неразвитом человеке беспрестанная война, частые столкновения с чужеземцами, одиночество между ними, опасности, странствования... Семейный быт действует противоположно. Здесь человек как-то расплывается; его силы, ничем не сосредоточенные, лишены упругости, энергии и распускаются в море близких, мирных отношений. Здесь человек убаюкивается, предается покою и нравственно дремлет. Он доверчив, слаб и беспечен, как дитя». Итак, не было личности, т.е. не было сознания, потому что не было столкновений личностей между собою (с. 424).

(128)

Эта картина ребяческой бессознательности семейного быта противопоставляется блистательной картине быта германцев, «их неприязненных столкновений, войн, переходов, внутреннего беспокойства и метания — признаков силы, ищущей пищи. Все это развило в них глубокое чувство личности, следовательно, сознания. «Им оставалось только возвести историческую личность, которую они принесли с собою, в личность человеческую, а славяно-русским», обделенным личностью, «приходилось создать ее», т.е. ценою восьмивековых усилий и страданий купить то, что вынесли германцы из своих лесов. Иными словами: германцу оставалось вырабатывать себя в человека; русский должен был сперва сделать из себя германца, чтобы потом научиться от него быть человеком.

И вот наконец мы дошли до исходной точки разбираемой нами статьи. Ключ к образу мыслей автора у нас в руках; мы понимаем, откуда произошла неполнота определения исторического влияния христианства, невероятная односторонность взгляда на развитие Западной Европы, пристрастное суждение о древнем быте германцев и славян, восхваление Иоанна Грозного и клевета на его современников. Все это вытекает как нельзя естественнее из одной мысли о способе приобретения сознания, а эта мысль есть, конечно, один из обильнейших источников современных заблуждений. Автор, к сожалению, не счел за нужное доказывать ее; он даже не высказал ее строго и положительно, хотя и не скрыл, как дело известное и всеми признанное. Что не доказано, того, разумеется, и опровергать нельзя, и потому нам остается в этом случае предложить автору вопрос: что бы такое могло дать нам право заключать, что там, где господствует быт семейный, нет личности в смысле сознания, или что тот, кто живет под определением семейного родства, не сознает в себе возможности отрешиться от него, или что человек, который никогда не бил другого и не бьет его, не сознает своей силы, или наконец, что человек, еще не лишивший себя жизни, не знает, что он живет? Все эти вопросы, в сущности, тождественны, и если они имеют вид шутки, неуместной в нашей рецензии, то в том виноваты не мы. Неужели признать более уместным в современной науке мнение о бессознательности как необходимой принадлежности родового быта и вытекающие отсюда последствия, что в начале XVIII века мы только что начинали жить умственно и нравственно? (с. 424-425).

(129)

Приняв германское национальное начало личности за абсолютное начало, германский процесс развития через отрицание за общечеловеческий процесс, он очень естественно указал в историческом влиянии христианства только на развитие идеи личности. Должно сказать, что односторонность его воззрения доведена до последней крайности. С этими готовыми понятиями он приступил к русской истории и, разумеется, определил ее *отрицательно*: его поразило отсутствие личности как безусловного мерила, т.е. *германской личности*, и отсюда он вывел отсутствие личности *вообще*, т.е. сознания, которому мешало господство родственного начала. Значит, все, что у нас было своего, предназначено было в сломку. Задача нашего исторического развития заключалась в том, чтобы очистить место для личности, приготовить лицо как форму, ибо содержания мы все-таки не могли выработать из себя; но к этому времени с готовым содержанием, то есть с мыслью о человеке, подоспела Европа, и мы его приняли извне. Итак, автор впал в обе ошибки, от которых предостерегал в начале статьи, в ответе, названным им *простым*; он искал ключа к правильному взгляду на русскую историю в теории, отвлеченной от германского развития, и определил древний быт России путем сравнения с историей тех же германцев (с. 426)

(130)

.... автору непременно нужно было связать его неразрывно с родовым началом, чтобы принести оба в жертву личности. Достается же от него русской истории! Мы постараемся указать ему на другую точку зрения.

Семейство и род представляют вид общежития, основанный на единстве кровном; город, с его областью — другой вид, основанный на единстве областном и позднее епархиальном; наконец, единая, обнимающая всю Россию государственная община, — последний вид, выражение земского и церковного единства. Все эти формы различны между собою, но они суть только формы, моменты постепенного расширения одного общинного начала, одной потребности жить вместе в согласии и любви, потребности, признанной каждым членом общины как верховный закон, обязательный для всех и носящий свое оправдание в самом себе, а не в личном произволе каждого. Таков общинный быт в существе его; он основан не на личности и не может быть на ней основан, но он предполагает высший акт личной свободы и сознания — самоотречение.

В каждом моменте его развития он выражается в двух явлениях, идущих параллельно и необходимых одно для другого. Вече родовое (н.п., княжеские сеймы) и родоначальник. Вече го-

родовое и князь. Вече земское или Дума и царь. Первое служит выражением общего связующего начала; второе — личности.

Положим, взаимные отношения князей предопределялись родовым началом; но что такое князь в отношении к миру, если не представитель личности, равно близкий каждому, если не признанный заступник и ходатай каждого лица перед миром? Почему община не может обойтись без него? Какому требованию, глубокому, существенному, духа народного он отвечает, если не требованию сочувствия к страждущей личности, сострадания, благоволения и свободной милости?

Призвав его и поставив над собою, община выразила в живом образе свое живое единство. Каждый отрекся от своего личного полновластия и вместе спас свою личность в лице представителя личного начала. Вчитайтесь в простые, безыскусственные слова летописцев; в них вы найдете тайну народных сочувствий. В представлении вашем возникнет идеальный образ князя, которого искала (432) древняя Русь. В Ипатьевской летописи он даже выражен в общей хвалебной формуле, повторяющейся много раз с некоторыми изменениями, и которую летописец обыкновенно оканчивает жизнеописание князей. Какая черта повторяется в ней всего чаще? Это — благоволение ко всем, особенно к беззащитным и одиноким, к нищим, сиротам и инокам. Вспомните тип святого Владимира, высокий тон личности, который так и отражается во всех характеристиках князей: он не хотел проливать крови преступников; он прославился в народе пирами, угощениями, милостью (с. 432-433).

(131)

Нет, не одной защиты, как думает г. Кавелин, община требовала от князя; князь был для нее не только военачальником, и в предпочтении одного князя другому видны следы не патриархального, доваряжского быта старейшин, а более возвышенного, христианского понятия: о призвании личной власти, о нравственных обязанностях свободного лица.

Автор этого не видит, потому что он вовсе упустил влияние христианства в Византии; трудно поверить — он не говорит о нем ни единого слова и только под конец статьи упоминает, как бы мимоходом, что оно пересоздало семейный быт, истребило многоженство и наложничество. Между тем из его же определения христианства вытекает, что оно должно было содействовать эмансипации личности и разрешению исключительно-кровного быта. Учение, проповедующее отречение от отца и матери имени Божьего ради и ради того же имени освящающее родственный союз крови, следовательно, вносящее в него сознание; умение, распространяющее братские отношения на все человечество и, следовательно, возводящее их от «естественного, природного факта до идеи; наконец, учение, низводящее начало верховной власти от Бога, — едва ли могло остаться без всякого влияния на развитие личности и юридических отношений. И если уж так много было говорено в разбираемой статье о влиянии варягов, не мешало бы сказать несколько слов о влиянии христианства, Византии и греческого духовенства. Неужели автор не видит, до какой степени осуществлению в государственной форме земского единства содействовало предшествовавшее ему единство религиозное и устройство сосредоточенной иерархии? (с. 433)

(132)

По его же словам, отличительный, племенной характер германцев заключался в глубоком чувстве личности; напротив того, у славяно-руссов начало личности вовсе не существовало (с.434).

(133)

Каким же образом воображение народа, изнеженного семейною жизнью, лишенного энергии, предприимчивости и вовсе не сознающего идеи личности, могло создать целый сонм богатырей? Сколько нам известно, стар-матёр казак Илья Муромец, Добрыня Никитич, Алеша Попович и прочие бездомные удалыцы, искатели приключений, имели и достаточный запас сил, и соразмерную уверенность в себе самих. Любая германская дружина не постыдилась бы их при-

нять. Каким же образом связать их с родовым устройством, с ограниченным домашним бытом, в котором убаюкивалась личность, из которого никогда не вырывалась она на простор? Или вы скажете, что и они занесены в народную фантазию из-за моря? (с. 435)

(134)

Так думает автор; мы же думаем:

1. Что развитие германского начала личности, предоставленной себе самой, не имеет ни конца, ни выхода; что путем исчерпывания исторических явлений личности, до идеи человека, то есть о начале абсолютного соединения и подчинения личности под верховный закон, логически дойти нельзя; потому что процесс аналитический никогда не переходит сам собою в синтетический.

2. Что это начало (идея человека или, точнее, идея народа) явилось не как естественный плод развития личности, но как прямое ему противодействие и проникло в сознание передовых мыслителей Западной Европы из сферы религии.

3. Что западный мир выражает теперь требование органического примирения начала личности с началом объективной и для всех обязательной нормы — требование общины.

4. Что это требование совпадает с нашею субстанциею; что в оправдание формулы мы приносим *быт*, и в этом точка соприкосновения нашей истории с западною.

5. Что общинный быт славян основан не на отсутствии личности, а на свободном и сознательном ее отречении от своего полновластия.

6. Что в национальный быт славян христианство внесло сознание и свободу; что славянская община, так сказать, растворившись, приняла в себя начало общения духовного и стала как бы светскою, историческою стороною церкви.

7. Что задача нашей внутренней истории определяется как просветление народного общинного начала общинным церковным.

8. Что внешняя история наша имела целью отстоять и спасти политическую независимость того же начала не только для России, но для всего славянского племени, созданием крепкой государственной формы, которая не исчерпывает общинного начала, но не и противоречит ему.

Половина этих тезисов имеет вид гипотез; не было ни возможности, ни намерения доказать их в статье, посвященной разбору чужого мнения. Главная цель наша была — опровергнуть его. (с. 443)

Несколько слов по поводу исторических трудов г. Чичерина

(135)

В учении о родовом быте существенное заключается в следующем, верно подмеченном признаке: личность не играла у нас той первостепенной роли, не предъявляла у нас тех требований, не выкидывала так смело своего знамени, как на Западе; да и союзы не представляли того строго условного характера, тех резких юридических формул, которые известны нам из других историй; что же касается до положительных свойств родового быта, то все попытки определить их сбивались постоянно на черты семейного или общинного быта, и по мере того как выяснялось представление о нашей старине, бесплотный призрак родового быта уходил все дальше и дальше, так что, наконец, теперь он уже отодвинут в доисторическую и чуть-чуть не допотопную эпоху. Так и у г. Чичерина, теория о господстве начала личности употреблена как будто для затычки; это — натянутое последствие мнимого отсутствия союзного духа, и оттого напрасно бы мы стали искать в его книге следов творческой силы личности и положительного ее участия в развитии государства и общества (с. 504).

(136)

Заметим мимоходом, что изображение отношений поселян к землевладельцам у автора не совсем верно и скорее относится к особенным местным явлениям, чем к общему порядку вещей,

господствовавшему на Западе в XVII веке. Не поземельная зависимость превратилась там в личную, а наоборот. Где было завоевание, то есть почти повсеместно, начиналось с того, что победитель налагал руку на побежденного, на его жену, на его детей, и обязывал их к исправлению личных повинностей. Впоследствии завоеватель превратился в вотчинника-хозяина; земля получила в его плазах хозяйственную ценность, он начал подбираться к ней ближе и ближе, тогда как наоборот, право его на личность земледельца постепенно ограничивалось. У нас же было наоборот (с. 506)

Б. Нольде. Юрий Самарин и его время. М.: Эксмо, 2003.

Сочинения Ю.Ф. Самарина

Предисловие к отрывку из записок А.С. Хомякова о всемирной истории

(137)

Каждый народ, в понимании чужой жизни, невольно ограничивается пределами своего собственного созерцания; он усваивает внутренний смысл тех явлений, в которых выражается собственная его личность, в которых он узнает самого себя, или, по крайней мере, личности других народов, связанных с ним единством духовных стремлений; все, что лежит вне этого круга, естественным образом представляется ему своею отрицательною стороною и определяется им по ощутительному для него отсутствию тех начал, в которых заключается для него цель и идеал человеческого развития (с. 334).

Письма о материализме

(138)

Разрыв непосредственного общения человека с верховною истиною, которая есть вместе с тем полная жизнь, не может никогда быть делом случая или не подвластной человеку необходимости; в основе одностороннего направления мысли, принимающего характер направления исключительного, отрицающего всё, что вне его, лежит непременно порча нравственная, падения воли; но в этом отношении личность суду человеческому неподсудна (с. 340).

По поводу сочинений Макса Мюллера на историю религий

(139)

Напротив, в понятии Бога заключается признание, что бесконечное дает о себе знать человеческому сознанию, следовательно, в области конечного, тем или другим образом, как личность. Во избежание недоразумений, я теперь же должен обратить внимание на то, что я смотрю на свойство личности. Не как на определение Божества самого по себе, в его сущности (. . . .), а как на определение его откровения *вовне* (ad extra) (с. 354).

(140)

Можно было бы, я думаю, доказать, что высокое значение, которое человек с полным правом придает своей личности, не может ни на чем другом основываться, как идее Промысла, и не иначе может быть логически оправдано, как предположением Всемогущего Существа, которое не только каждого человека доводит до признания его нравственного призвания и личного долга, но вместе с тем и внешние, от субъекта совершенно не зависящие события и обстоятельства его жизни располагает таким образом, что они находятся и пребывают в *определённом*, для человеческой совести легко *познаваемом отношении* к этому призванию. Только при условии признания такого рода отношения между тем, чем человек должен быть, и тем, что с ним *случается*, каждая человеческая жизнь складывается в *разумное целое* (с. 355).

О народном образовании

(141)

Зато нам становится понятным человек, как равнодушное вместилище, в котором укладываются разные способности, и мы продолжаем толковать о высоком значении личности, не замечая, что мы же подорвали его, откинув понятие о внутренней цельности (с.397).

Замечания на заметки «Русского вестника» по вопросу о народности в науке

(142)

Личность сама по себе и независимо от ее направления или содержания, имеет такое бесконечное достоинство, что, когда признается за нужное освободить ее от невежества и застоя, не грех и принадлежать на нее (с. 405).

(143)

Точка зрения есть плод всего личного и народного развития. У каждого человека и у каждого народа есть точка зрения; само собой разумеется, что народная имеет всегда значительность историческую, которой может не иметь личная (с. 407).

(144)

Они (германцы – А.И.) не доказывали и не проводили идеи, которой сами не сознавали, а просто жили, выражая новое начало (личности – А.И.) своею народною жизнью. История движется вперед свободным совпадением народностей с высшими требованиями человечества. (с. 409)

Письмо И.С. Аксакову с. Васильевское, 15 октября 1865

(145)

Что бы ни говорили, а средневековый Рим, с его папами, возрождением художеств, микеланджелами и рафаэлями, бледнеет перед суровой простотой идеального государства времен язычества. Чувствуется, что как скоро отнялась эта возможность безусловного поглощения человеческой личности в государстве, так отнялась вместе с тем способность к известного рода подвигам, которые в наше время уже немислимы. Не могу себе представить, чтоб этот город когда-нибудь мог сделаться столицею конституционного королевства и чтоб ему суждено было, после оргий императоров и их триумфов, после анафем и булл Григория VIII и Иннокентия III, сделаться средоточием парламентских проделок и сплетен. До такого посрамления история не допустит, если только есть на свете история в смысле правоправящей силы разума (с. 532).